

ФЛЭШМЕН

НА ОСТРИЕ

УДАРА

«Флэшмен высшего класса.
Не пропустите!»

Financial Times

ДЖОРДЖ МАКДОНАЛД ФРЕЙЗЕР

Записки Флэшмена

Джордж Фрейзер
Флэшмен на острие удара

«ВЕЧЕ»

1973

Фрейзер Д. М.

Флэшмен на острие удара / Д. М. Фрейзер — «ВЕЧЕ»,
1973 — (Записки Флэшмена)

ISBN 978-5-9533-4986-4

В России Флэшмена ждет славная мясорубка! Крымская война и участие в безумной атаке легкой кавалерии. Сэр Гарри хотел бы гаркнуть прямо в ухо своим венценосным землякам: «Поправь корону, БРИТАНИЯ! Куда прешь?!» Только кишка – тонка. Да и кто ж его услышит? Империя скорее шею свернет, но так просто не остановится. Трусливому вояке предстоит окунуться в ураганный вой взбесившейся картечи, отведать русской бани и хорошего кнута с пряниками. Но и сам сэр Гарри в долгу не останется – ответит залпом на залп. В этой дикой стране Флэшмен удивит всех и не раз оправдает на деле свою громкоговорящую фамилию. Ну, русские, держитесь! Воистину это не человек, а фейерверк какой-то!

ISBN 978-5-9533-4986-4

© Фрейзер Д. М., 1973
© ВЕЧЕ, 1973

Содержание

Записки Флэшмена	6
Пояснительная записка	7
I	11
II	27
III	37
IV	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Джордж Макдоналд Фрейзер

Флэшмен на острие удара

George MacDonald Fraser

Flashman at the charge

© George MacDonald Fraser, 1973

© Яковлев А.Л., перевод на русский язык, 2011

© ООО «Издательский дом „Вече“», 2011

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2011

«Эх, если бы все романы были такими умными и такими же смешными!»

DAILY MAIL

«Восхитительная книга, насыщенная интригами, звоном клинков и приключениями в старинном духе. С возвращением, Флэшмен!»

NEW YORK TIMES

«Дж. М. Фрейзер – великий рассказчик. Вряд ли за всю нашу жизнь доведется найти еще одного такого...»

THE BOSTON GLOBE

«Выходящая раз в год новая книга про Флэшмена сделалась одним из самых интригующих вопросов повестки дня, и залежи еще очень богаты...»

OBSERVER

Записки Флэшмена

Флэшмен

(1839–1842: Англия, Индия, Афганистан)

Флэш по-королевски

(1842–1843, 1847–1848: Англия, Германия)

Флэш без козырей

(1848–1849: Англия, Западная Африка, США)

Флэшмен на острие удара

(1854–1855: Англия, Россия, Средняя Азия)

Флэшмен в Большой Игре

(1856–1858: Шотландия, Индия)

Флэшмен под каблуком

(1842–1845: Англия, Борнео, Мадагаскар)

Флэшмен и краснокожие

(1849–1850, 1875–1876: США)

Флэшмен и Дракон

(1860: Китай)

Флэшмен и Гора Света

(1845–1846: Индийский Пенджаб)

Флэшмен и Ангел Господень

(1858–1859: Индия, Южная Африка, США)

Флэшмен и Тигр

(1878–1894: Англия, Австро-Венгрия, Южная Африка)

Флэшмен на марше

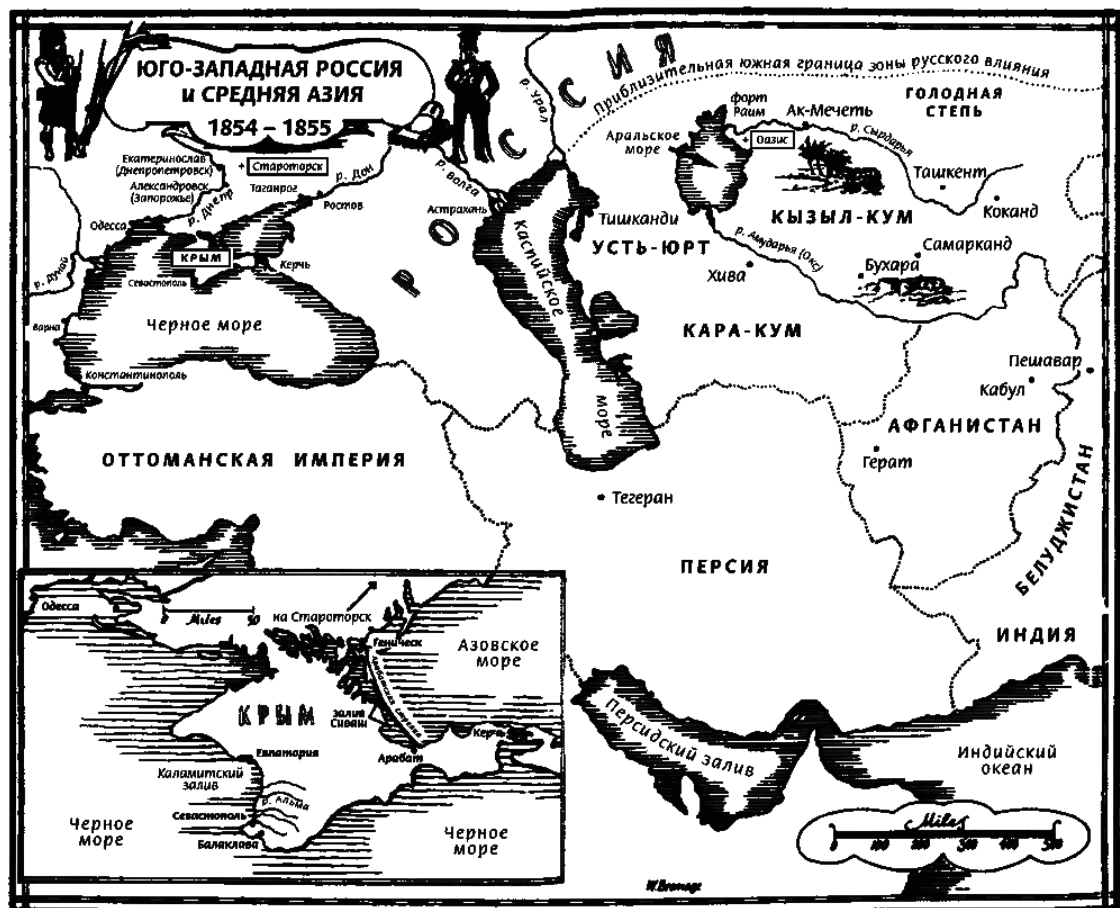
(1867–1868: Абиссиния)

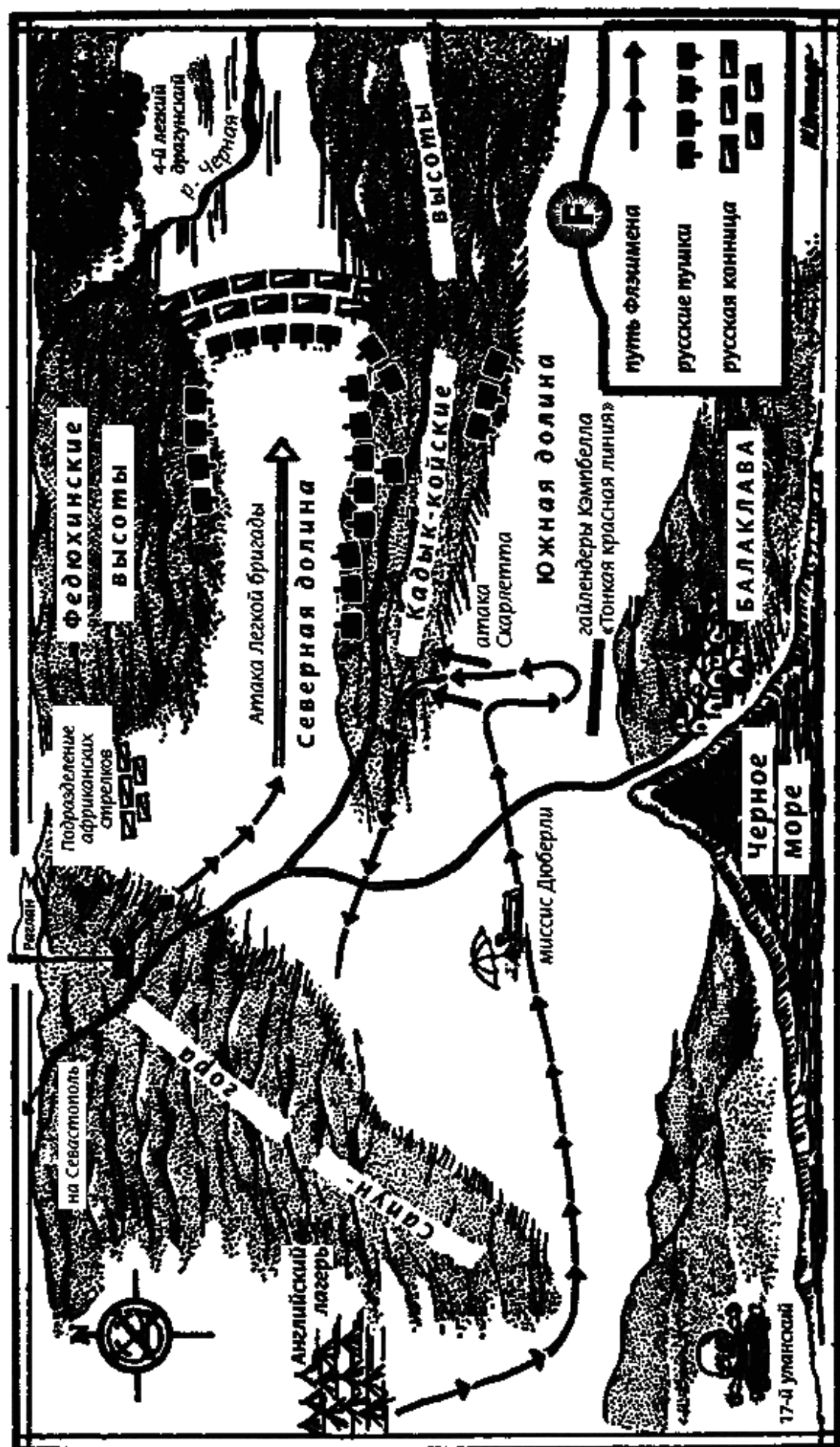
*Посвящается «Екатерине», чемпионке Самарканда по игре в
рамми*

Пояснительная записка

С момента обнаружения несколько лет тому назад «Записок Флэшмена», этих обширных мемуаров, описывающих взрослые годы достопамятного задиры из книги «Школьные годы Тома Брауна», стало сразу ясно, что этот новый и необычайно ценный документ впишет еще одну страницу в историю Викторианской эпохи. В первых трех пакетах «Записок», уже опубликованных с согласия их владельца, мистера Пэджета Моррисона, Флэшмен поведал о ранних годах своей военной карьеры, об участии в печально известной Первой афганской войне, о своей роли в решении Шлезвиг-Гольштейнского вопроса (с Бисмарком и Лолой Монтез), о приключениях в качестве работаровца в Западной Африке и агента по освобождению негров в Соединенных Штатах, о встречах с такими известными в будущем политиками, как Авраам Линкольн, мистер Дизраэли и пр.

Из перечисленного очевидно, что воспоминания великого солдата касаются вещей не только военных. Те же, кого печалит отсутствие в ранних пакетах отчетов об его участии в самых выдающихся кампаниях (Сипайский мятеж, Гражданская война в США и т. д.), без сомнения, будут удовлетворены знакомством с нынешним томом, где наш воин во всем блеске выступает в Крыму, а также на других – возможно, даже более значимых – театрах боевых действий. То, что сей документ содержит ценные сведения по общественной и военной истории, сообщает массу живых подробностей и подтверждает сформировавшуюся ныне неприглядную оценку личных качеств автора – не вызывает вопросов. Также стоит отметить, что аккуратность Флэшмена в обращении с фактами, касающимися известных событий и лиц, его бесспорная откровенность, хотя бы в качестве мемуариста, ставят этот том в ряд столь же достоверных источников, как и предшествовавшие ему три книги.

Как издатель я только привел в порядок орфографию и по традиции снабдил мемуары необходимыми комментариями и приложениями. Все остальное – Флэшмен.

Дж. М. Ф.

I

В тот самый миг, как Лью Нолан повернул лошадь и перевалил через край насыпи, увозя донесение Раглана, засунутое за отворот перчатки, я понял, что без меня не обойдется. Раглана, как водится, кидало из жары да в холод. До меня тотчас же долетел его вопль: «Нет, Эйри, скорее, пошлите за ним кого-нибудь!» И Эйри вычислил меня из прочих штабных ординарцев, среди которых я рассчитывал затеряться. Везение мое и так оказалось долгим, как память еврейского ростовщика, а ведь все имеет свойство заканчиваться. Я буквально чувствовал, что очередной вояж по равнине Балаклавы принесет беду старине Флэши. Так оно и вышло.

Пока я, трясясь от страха, ждал, когда подготовят приказ, с которым придется скакать вслед за Лью в расположение Легкой бригады, отдохавшей в долине футах в восьмистах ниже нас, меня таки и грызла досада. Вот тебе и расплата за то, что шлялся по бильярдным да подхалимничал перед принцем Альбертом! Конечно, и то и другое вы сочтете вполне естественным для парня, который любит играть в бильярд и питает неумеренное подобоострастие к королевским особам. Но, видя, какие последствия могут проистечь из этих совершенно безвредных на вид занятий, вы согласитесь, что никогда нельзя полностью застраховать себя от опасности, какие усилия ни прилагай. Вот я, пройдя два десятка (а то и больше) кампаний и получив столько же ран, должен признать, что ни разу не горел желанием поучаствовать в очередной военной авантюре, а уж в крымской-то – менее всех прочих. И нате вам: Флэши, герой поневоле, с саблей на боку, сердцем в пятках и встопорщенными от дикого ужаса баками, стоит на пороге самой жуткой кавалерийской резни во всей военной истории. Ну, разве у вас не наворачивается слеза?

Вас, наверное, удивит, – если вам довелось прочесть воспоминания о моих молодых годах (сдается мне, что как летопись подлости, коварства и трусости они способны потягаться с любым томом отчетов о деятельности нашего парламента), – каким вообще дурным ветром могло занести меня под Балаклаву? Поэтому почту за лучшее, как подобает приличному автору мемуаров, изложить события по порядку, и прежде чем описать сам ход той сомнамбулической мясорубки, поведаю о череде нелепых и несчастливых случайностей, в результате которых я и оказался там. Это убедит вас держаться подальше от бильярдных и избегать общества венценосных особ.

Дело было в начале пятьдесят четвертого. Я тогда занимался домашними делами: шлялся по городу, вел привольную жизнь и прикидывал, как бы занырнуть еще поглубже, дабы тихонько понаслаждаться покоем в Англии, пока мои армейские коллеги мужественно встают под пули и ядра в России, радея о судьбе несчастных и беззащитных турок – насчет последнего пункта, кстати, совсем не уверен. Тут я исхожу из личного опыта, а он у меня ограничен стычкой с одной толстой константинопольской гурией¹, попытавшейся затащить меня в кровать ради денег и имевшей наглость вызвать полицию, когда я ей врезал. Впрочем, о турках я всегда был невысокого мнения. Так что, вернувшись в Англию и почуяв надвигающуюся военную грозу, старина Флэши меньше всего думал навязывать свои услуги в борьбе с русским тираном.

В жизни народного героя есть серьезное неудобство: тебе очень трудно скрыться из виду, когда горны начинают трубить сбор. Мне не приходилось защищать родину уже восемь лет, впрочем, остальным тоже, и когда газеты принялись бить в барабаны, а общественные деятели потребовали пустить иностранцам кровь – вот только своими руками они этого делать не собирались – то сразу вспомнили про славных воителей былого. Незаслуженно

¹ Гурия – нимфа из райского сада мусульман. – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. переводчика.

увенчавшие меня после афганских дел лавры еще недостаточно увяли, чтобы не бросаться в глаза, и мне было чертовски неловко слышать при встречах на улице: «Эге, это же старина Флэши, тот самый парень, что способен задать трепку царю Николаю! Возвращаешься в Одиннадцатый, дружище? Черт побери, мне даже жаль русских, когда на них обрушится герой Гандамака!» Будучи одной из кавалерийских знаменитостей недавнего прошлого, покрывшей себя славой на всем пути от Кабула до Хайбера, и единственным человеком, определившим верное направление атаки при Чилианвале (по ошибке, ясное дело), разве мог я ответить: «Нет, спасибо, в этот раз лучше дома посижу»? Ответить – и погубить свою репутацию? А репутация – это очень нужная вещь, если ты такой трус, как я, и хочешь жить без забот.

Так что я стал искать выход и нашел самый хитроумный из всех: опять пошел в армию. То бишь направил стопы в Конную гвардию, где мой дядюшка Биндли все еще просиживал штаны в ожидании пенсионера, и снова получил эполеты. Это не сложно, если знаешь нужных людей. Изюминка заключалась в том, что я не просил должности в кавалерийском полку или при штабе, или еще в каком-нибудь опасном месте, нет – меня привлекал Департамент вооружения. Для службы там я подходил лучше, чем большинство его членов, поскольку знал хотя бы, откуда у пушки ядро вылетает. Только дай мне окопаться там, в уютном офисе рядом с Конной гвардией, куда можно заглядывать через недельку-другую, и пусть воинственный Марс меня хоть обкличется.

А если кто скажет: «Как, наш Флэш, старый рубака, не едет в Турцию резаться с казаками?» – я с серьезным видом примусь разглагольствовать о важности управления и снабжения и о необходимости оставить при главном штабе нескольких нюхавших порох людей, – самых умных, разумеется, – которые знают, что нужно фронту. Учитывая мое умение напускать на себя бравый вид (хоть и совершенно безосновательно), никто и не усомнится в моей искренности.

Биндли, конечно, спросил, какого черта кавалерист может смыслить в боеприпасах, на что я возразил: важно не столько это, сколько мое родство по материнской линии с лордом Пэджетом, одним из Богоизбранных Пэджетов, занимающим место в выборном комитете по стрелковому оружию. Мне казалось, что ему ничего не стоит найти для заслуженного бойца, да еще и родственника вдобавок, местечко личного секретаря, гражданского адъютанта и главного осведомителя по совместительству.

– Заслуженный гусар Хаймаркета², – фыркает Биндли, происходивший из безродной, флэшменской ветви нашего семейства, и не выносивший упоминания о моих высокопоставленных родичах. – Конечно, ничего иного и не требуется.

– Индия и Афганистан не на Хаймаркете находятся, дядюшка, – говорю я, принимая умеренно-оскорбленный вид. – А что касается стрелкового оружия, то с чем только мне ни приходилось иметь дело: «Браун Бесс», игольчатая винтовка Дрейзе, «кольты», «ланкастеры», «брунsvики» и еще уйма всего.

То, что держа эти изделия в руках, я не испытывал ни малейшей радости, дяде знать вовсе не обязательно.

– Хм, – сухо протягивает он. – На редкость скромное стремление для того, кто некогда слыл красой и гордостью всех плунжеров³. Ну ладно, поскольку в Департаменте вреда от тебя будет не больше, чем от возвращения к разгульной жизни, которую ты вел в Одиннадцатом, – пока тебя оттуда не выпихнули, – я поговорю с его светлостью.

² Хаймаркет – улица в центральной части Лондона, на которой размещалось множество развлекательных заведений.

³ Плунжер (поршень от насоса) – так армейские называли беспечных офицеров-кутил, в противовес суровым служакам, тянувшим лямку.

Я видел, что дядя озадачен. Он еще немного побурчал насчет падения нравов, но не стал допытываться до истинных моих побуждений. Прежде всего, война еще не началась, и в правительственных кругах ходили разговоры, что ее возможно еще избежать, но мне не хотелось оказаться застигнутым врасплох. Когда случается неурожай, рабочие бастуют, а сосунки сломя голову бросаются отрачивать усы и бакенбарды, тогда держи ухо востро.⁴ Страна бурлила от недовольства и разочарования, большей частью по причине того, что Англия уже лет сорок не знала настоящей войны, и только немногим из нас было известно, что это такое. Остальным застили глаза гнев и тупость: и все из-за того, что какие-то паписты и грязные турки переругались за право прибить звезду к воротам в Палестине. Заметьте, это меня ничуть не удивляет.

Когда я вернулся домой и объявил о своем намерении устроиться в Департамент вооружений, моя милая женушка Элспет пришла в неопиcуемый ужас.

– Ой, Гарри! Разве не мог ты попросить назначения в гусары или в какой-нибудь другой престижный полк? Ты выглядишь таким прекрасным и неотразимым в своих вишневых панталонах! Иногда мне кажется, именно они завоевали мое сердце, стоило тебе переступить порог батюшкиного дома. В Департаменте они, наверное, носят какие-нибудь жуткие серые балахоны; как будешь ты меня катать по парку, одетый, словно какой-то снабженец, или как их там называют?

– Там не носят мундиров, – отвечаю я. – Только цивильное платье, дорогая. Ты закажешь для меня одежду своему портному, по своему выбору.

– Все равно плохо, – говорит она. – У других мужья все будут в нарядной форме. А ведь ты выглядишь в ней так головокружительно. Милый, ну почему бы тебе снова не сделаться гусаром? Ну ради меня, а?

Когда Элспет вот так дует алые губки и вздыхает в печальном вздохе пышную грудь, мои мысли устремляются исключительно в направлении кушетки, что ей хорошо известно. Но на этот раз я решил не давать слабину и объяснил, почему.

– Ничего не выйдет. Кардиган не примет меня обратно в Одиннадцатый, как пить дать. Еще бы, именно он выставил меня в сороковом.

– Из-за того, что я... дочь торговца, да? Я знаю, – на миг мне показалось, что она разрыдается. – Но теперь-то это не так, ведь верно? Отец...

– ...как раз перед смертью успел прикупить титул пэра, так что теперь ты дочь барона. Все так, милая, только это не убедит Медведя Джима⁵. Полагаю, купленные титулы для него ничего не стоят.

– О, как плохо ты о нем говоришь. Но я уверена, что это не так. Он ведь дважды танцевал со мной в прошлом сезоне, когда тебя не было: на ассамблее у леди Браун и – где же еще? – да, на кавалерийском балу. Я точно помню – на мне ведь было то самое платье с золотыми кружевами и прическа à l'impératrice⁶, и Кардиган сказал, что я и впрямь выгляжу как императрица. Ну разве не галантно? И он всегда раскланивается со мной в парке, а несколько раз даже обменивался парой слов. Весьма милый пожилой джентльмен, и вовсе никакой не чурбан, как о нем отзываются.

– Да неужели, – говорю я. Ее слова ничуть не удивили меня: мне ли не знать, что Кардиган был самым похотливым козлом среди всей мужской половины человечества. – Ну ладно,

⁴ Возможно, благодаря военной горячке, как намекает Флэшмен, в первые месяцы 1854 года распространилась мода на усы, бороды и бакенбарды. Другим криком моды среди молодежи были яркие рубашки необычных фасонов, с черепами, змеями, цветами и т. п. Можно провести любопытные параллели между этими веяниями и движением современных хиппи, в том числе и по реакции на них. Так, например, Английский Банк строжайше запретил своим клеркам участвовать в каком-либо «усатом помешательстве». (*Комментарии редактора рукописи*).

⁵ Прозвище Кардигана.

⁶ «под императрицу» (*фр.*)

милый он или нет, а ради твоей репутации с ним стоит держать ухо востро. Короче, он не возьмет меня назад – да и не очень-то хотелось – так что покончим с этим.

Элспет надула губки.

– Тогда я буду считать вас обоих упрямыми и глупцами. Ах, Гарри, мне так жаль! Да и наш крошка Гавви был бы горд видеть отца офицером превосходного полка, в шикарном мундирчике. Его ждет такое разочарование.

Крошка Гавви, кстати, это наш сын и наследник: горластый противный пятилетка, делавший жизнь в доме невыносимой из-за своего крика и привычки повсюду таскать с собой ракетку для бадминтона. Меньше всего на свете я уверен в том, что это именно мой сын (как мне уже приходилось сообщать). Под этакой бархатисто-розовой невинной внешностью Элспет скрывалась чудовищно темпераментная натура, и не удивлюсь, что за четырнадцать лет нашего супружества в ее постели перебивала половина Лондона. Конечно, мне частенько приходилось отсутствовать. Но я ни разу не поймал ее с поличным. Впрочем, это ни о чем не говорит, она ведь тоже меня не поймала, а у меня столько было, что хватило бы весь Гайд-Парк обнести живой изгородью. Все свои подозрения мы держали при себе и делали вид, что ничего не происходит. Как вам известно, я ее любил, и при том не только плотски, и думал, верил, надеялся, что она обожает меня, хотя поручиться до конца не готов.

Зато имел серьезные сомнения в отношении отцовства маленького Гавви. Звали его Гарри Альберт Виктор, но «Гарри» ему никогда не удавалось выговорить правильно, ибо мальчишка почти все время что-то жевал. Помнится, мой приятель Спидикат, та еще скотина, утверждал, что нашел в нем неоспоримое сходство со мной. Когда Гавви было всего несколько недель, Спид любил прийти поглазеть, как кормят малыша. По его утверждению, манера младенца присасываться к груди кормилицы не оставляла сомнений на счет отцовства.

– Крошка Гавви, – отвечал я Элспет, – еще слишком мал, чтобы обращать внимание на цвет мундира своего папаши. Зато избранная мною стезя крайне важна, любимая, и ты не заставишь меня уклониться от исполнения долга. Позже, может быть, я переведусь, – (возможно, я и на самом деле так поступлю, когда все успокоится) – и ты сможешь вдоволь покрасоваться рядом со своим кавалеристом на балах и променадах вдоль Роу⁷.

Это ее утешило, как леденец ребенка, – в этом смысле Элспет была удивительно недалеким созданием. Мне часто казалось, она скорее напоминает ожившую куколку с соломенными волосами, а не взрослую женщину. Ну, в этом есть и свои преимущества.

Итак, Биндли замолвил словечко лорду Пэджету, тот порадел мне и устроил на службу в Департамент вооружения. И была эта служба настоящей пыткой, ибо мой начальник лорд Моулсворт на поверку оказался из числа тех самых дотошных остолопов, которые суют нос во все дела – вместо того, чтобы, как полагается порядочному лорду, не заниматься ничем, а только изливать на окружающих лучезарный свет своего присутствия. Он и меня заставил работать. Я, не будучи инженером и имея о всяких там «моментах» и «усилиях» представление не большее, чем необходимо, чтобы лечь в кровать и с нее подняться, был направлен на испытания ружей в вулвичскую лабораторию. Мне полагалось стоять на огневом рубеже, в то время как снайперы Королевского завода стрелкового оружия палили по «евнухам».⁸ Тамошний народ был скучный, инженеры и тому подобное; разговоров только и было что про преимущества винтовки Минье по сравнению с «Лонг-Энфилдом» калибра

⁷ Роттен Роу – излюбленное место верховых прогулок лондонского высшего общества. Название, как считают, произошло от искаженного французского словосочетания «рут-дю-руа» («королевская дорога»), поскольку именно этим путем пользовался Вильгельм III для своих поездок из Вестминстера в Кенсингтон.

⁸ «Евнухи». Полноростовая стрелковая мишень того времени представляла собой обычные концентрические круги, но с помещенной в центр обнаженной человеческой фигурой. «Яблочком» являлся черный диск, предусмотрительно прикрывающий тазовую область фигуры. (Комментарии редактора рукописи).

0,577 дюйма, о пулях Притчарда да астоновских прицелах. Работа там кипела тогда вовсю: стояла задача подобрать для армии новую винтовку, и комитету Моулсворта было поручено осуществить выбор. По мне, так хоть аркебузу выбирай, все одно; наслушавшись за месяц стенаний про заклинивающие шомполы и перепачкав ружейным маслом штаны, я поймал себя на мысли, что готов согласиться со старым генералом Скарлеттом, заявившим однажды:

– Неплохие ребята в Департаменте, но, черт побери, чего возьмешь с «пороховой мартышки»?⁹ Сверлите себе стволы и набивайте патроны, но зачем требовать, чтобы я отличал полдюймовку от мортиры, а? За что вообще напасть такая на джентльмена, тем более офицера? Нет, ну что за дела?!

Меня тоже терзали сомнения, долго ли мне удастся выдерживать все это, и я, решив как можно меньше времени уделять своим обязанностям, целиком ушел в светские развлечения. Перевалив тридцатилетний рубеж, Элспет обрела еще больший, если такое вообще возможно, аппетит к разного рода вечеринкам, танцам, операм и ассамблеям, а я, когда не составлял ей компанию, проводил время в клубах или на Хаймаркете, вернувшись к излюбленным своим наслаждениям азартной игрой, подогретым портвейном и разгульным обществом. Днем мы катались вокруг Альберт-гейт, а ночью – по Сент-Джонс Вуд; устраивали скачки, играли в пул, развлекались со Спидами и парнями и не давали покоя шлюхам.

Жизнь в Лондоне кипит постоянно, но в те дни разгул достиг небывалых пределов и обещал еще усилиться. Всех волновал вопрос: когда же разразится война? Становилось ясно, что ее не избежать: газеты и уличные ораторы требовали пустить кровь москвитам, правительство без конца совещалось и ничего не делало, русский посол паковал вещи, а Гвардия парадным маршем отправилась к погрузке на суда, идущие в Средиземное море. Парад состоялся в несусветную рань, но Элспет, обуреваемая чувством ура-патриотизма и снобистским любопытством, вывела меня из себя, вскочив с кровати в четыре утра в надежде не пропустить зрелище, и вернулась в восемь, треща без умолку, как великолепно была королева в своем платье темно-зеленой шерсти, пришедшая помахать вслед своим бравым парням. А несколько дней спустя в Реформ-клубе Палмерстон и Грэм под рев собравшихся толкали пламенные речи, объявив, что намерены преподать урок этому прохвосту Николаю, загнав его в Сибирь.¹⁰

Я слышал, как толпа на Пикадилли распевает, про то как «британское оружие смирит гневливого тирана, накажет русского раба», и утешался мыслью, что могу в тепле и уюте сидеть в Вулвиче, не имея иных забот, как вручать это «оружье», но отнюдь не пользоваться им. Так бы все и получилось, не приспичь мне однажды отправиться со Спидами в Хаймаркет покатать шары.

Я уже говорил, что пошел только потому, что на тот вечер у Элспет была запланирована поездка в театр в компании ее подружек. Они собирались посмотреть пьесу какого-то француза, – тогда все французское считалось таким патриотичным, – а кроме того, шли слухи о непристойном ее содержании, так что моя чаровница поспешила туда в надежде испытать легкое потрясение.¹¹ Но я сомневался, что спектакль сможет затронуть мою неж-

⁹ Пороховыми мартышками на флоте называли шустрых мальчишек, входивших в оружейную команду, подносявших заряды во время боя, и исполнявших разные мелкие поручения.

¹⁰ Хотя формально Англия вступила в войну только 28 марта 1854 года, приготовления к ней шли задолго до этой даты, на фоне нагнетаемых в обществе антироссийских настроений. Шотландский гвардейский (иначе Третий) полк был отправлен месяцем ранее, а министр внутренних дел Палмерстон и сэр Джеймс Грэм, Первый лорд Адмиралтейства, отметились своими полными джингоизма речами в Реформ-клубе 7 марта. Они были блестяще спародированы журналом «Панч»: «Кое-кто говорит: мы за войну. За войну! Чепуха! Нет! За войну?! Не то чтобы за войну, хотя...». И хотя военная истерия в Британии была сильна, она не была столь всеобщей, как сообщает Флэшмен. Существовало деятельное движение за сохранение мира, антивоенные настроения высказывались весьма резко. С этой точки зрения очень любопытна брошюра Дж. Маккуина «Война: кто виноват?» (1854). (*Комментарии редактора рукописи*).

¹¹ Почти наверняка имеется в виду пьеса Бальзака «Женатый холостяк», вызвавшая ожесточенные споры. (*Коммента-*

нейшую чувствительность, – да и не питал большого любопытства, кстати, – поэтому предпочел прогулку со Спиди.

Мы поиграли на интерес в комнатах на Пикадилли (скука страшная), и тут один малый по имени Каттс, из драгун (я его знал немного), заходит и предлагает партеечку в бильярд до ста очков. Мне приходилось с ним играть и выигрывать, так что мы согласились. Началась игра.

Меня нельзя назвать акулой бильярда, но и плохим игроком тоже, и если игра не идет на большие ставки, мне все равно, проиграть или выиграть. Но встречаются за столом такие противники, которым я никак не могу позволить побить себя. Каттс из их числа. Вы видели таких: они ползают с кием по столу и заявляют зрителям, что им гораздо легче закатить шар от борта, чем по прямой. Еще у них есть привычка иронично хмыкать, когда ты промахнешься по шару, по которому сам он сто лет не попадет. Что самое плохое, у меня сбился прицел, а вот Каттсу везло как никогда: с ловкостью, достойной Джо Беннета, он исполнял «дженни», счастливо избегал рискованных ситуаций, подгоняя шары под карамболь, а стоило ему рискнуть, целясь в дальние лузы, как тут же получались «штаны». Как только счет стал пять к одному, мне стало невтерпех.

– Что, получил свое? – говорит драгун, распушив хвост. – Ну же, Флэш, где твой задор? Готов сыграть с тобой в любую чертову игру по твоему выбору: в выбивалы, в пул, в пирамидку, в каролину, дуплет или возвратку.¹² Что скажешь? Ладно, Спид, получается, твоя очередь.

И этот осел Спиди стал с ним играть, я же, пребывая не в лучшем расположении духа, околачивался поблизости, ожидая, когда они закончат. Тут внимание мое привлекла игра за одним из крайних столов, и я задержался посмотреть.

Это было типичное надувательство: один из мастеров обчищал новичка, и мне интересно было поглядеть на картину, как овечка сообразит, что ее остригли. Я его заприметил, еще когда играл с Каттсом: типичный маменькин сынок с интеллигентным лицом и белыми ручками, которыми более уместно подавать сэндвичи с огурцом тете Джейн, нежели орудовать кием. Парню было не больше восемнадцати, но одет он был с иголочки. Правда, его наряд вряд ли сочли бы модным в бильярдных – скорее так одеваются в воскресный день где-нибудь в сельской местности. Зато юноша был при деньгах, а что еще нужно бильярдному плуту?

Играли они в пирамиду, и «волк» – ухмыляющийся тип с соломенными баками – уже держал когтистую лапу у шеи «ягненка». Может, вы не знаете правил? Я поясню: есть пятнадцать цветных шаров, и вам нужно загонять их в лузы один за другим, как в пуле; ставка обычно бывает по шиллингу за шар. «Ягненок» вел со счетом восемь – три, и «волк» громогласно сетовал на свой злой рок. Нужно было видеть, как лучился юнец от самодовольства!

– Остается только четыре шара! – говорит шулер. – Ладно, я проиграл, не везет мне сегодня. А знаешь что: отчего бы не рискнуть – ставлю по соверену за каждый из оставшихся шаров.

Вам-то или мне известно, что это самый подходящий момент бросить кий и пожелать всем доброй ночи, пока шары не начали залетать в лузу как заколдованные. Но зеленому юнцу было невдомек. «Ну и ладно, – читалось у него на лице, – раз я загнал восемь из одиннадцати, то уж по крайней мере два из четырех и подавно забью».

рии редактора рукописи).

¹² Правила этих различных вариантов пула (и предшественников снукера) можно найти в типичной викторианской книге Капитана Краули «Бильярд», каковая является неистощимым кладом информации и знаний о бильярде, а также об асах и мошенниках. Джо Беннет был чемпионом тех лет. «Дженни» – сложный удар, нацеленный в боковую лузу, когда «чужой» шар находится близко к борту; «штаны» – одновременный загон в две дальние лузы. *(Комментарии редактора рукописи).*

Уверен, именно так он и рассуждал, и я приготовился увидеть, как «волк» уложит четыре шара четырьмя ударами. Но тот прикинул толщину кошелька добычи и решил сыграть по-крупному: загнав первый шар хитроумным отскоком, от которого у новичка отвисла челюсть, при следующем ударе катала смазал кием. Если вы не знаете правил, я скажу, что в таком случае один из забитых шаров возвращается на стол, так что их вновь стало четыре. Игра продолжалась, и «волк» вновь загоняет шар, получая золотой, а потом опять мажет – естественно, кляня себя за неловкость, – и шар опять возвращается. Такая забава может продолжаться всю ночь, и надо было видеть физиономию бедного «агнца»! Юноша отчаянно пытался загнать шар, но ему постоянно приходилось наносить удар из неудобного положения, когда шар стоял у борта или когда четыре цвета располагались в неудобном месте – ничего у него не получалось. Прежде чем загнать последний шар – от трех бортов, чисто ради бахвальства – катала выиграл пятнадцать фунтов. Он отряхнул мел с сюртука, с ухмылкой поблагодарил новичка и, насмистывая, пошел прочь, подзывая официанта с шампанским.

Юный простофиля окаменел, как столб, глядя на пустой кошелек. Я собирался оживить его парой насмешек, но тут мне в голову пришла блестящая идея.

– Ну что, мистер, остались с носом? – спрашиваю я.

Он вздрогнул, подозрительно поглядел на меня, сунул кошелек в карман и повернулся к двери.

– Пойдите-ка, – продолжаю. – Я же не капитан Ловкач, вам нечего опасаться. Он здорово вас обчистил, разве не так?

Он покраснел и остановился.

– Похоже, так. Но вам-то что за дело?

– Ах, вовсе никакого. Просто хотел предложить вам выпить, чтобы утопить печаль.

Юнец окинул меня настороженным взглядом, буквально говорившим: «Ну вот, еще один из них».

– Спасибо, нет, – говорит он и добавляет. – В любом случае у меня не осталось денег.

– Было бы удивительно, если остались, – отвечаю я. – Зато у меня, по счастью, они есть. Эй, официант!

Юнец пришел в замешательство: с одной стороны, ему хотелось побыстрее оказаться на улице и без помех оплакать утраченные пятнадцать золотых, с другой, казалось неудобным отклонить столь радужное предложение незнакомца. Даже Том Хьюз соглашается, что я могу быть очаровательным, когда хочу, и спустя пару минут мы уже опрокинули по стаканчику и болтали, словно закадычные друзья.

Как выяснилось, парень был иностранцем, совершающим тур под надзором гувернера. От последнего он улизнул на время, мечтая побродить по значным местам Лондона. Похоже, бильярдная представлялась ему дном преисподней, потому-то сюда он и направился. И оказался вмомент и обманут, и острижен.

– Ну, по крайней мере это послужит мне уроком, – говорит он, произнося слова с той нарочитой правильностью, которая свойственна людям, говорящим на неродном для них языке. – Но как мне объяснить доктору Винтеру, куда делись деньги? Что он подумает?

– Это зависит от степени его испорченности, – отвечаю я. – Не стоит переживать из-за него: полагаю, он будет рад, что вы вернулись живым и здоровым, и потому не станет задавать лишних вопросов.

– Верно, – задумчиво кивает юнец. – Ему хватит беспокойства по поводу собственного места: как же, он оказался плохим стражем, разве не так?

– Никуда не годным, – поддакиваю я. – Ну его к дьяволу. Выпьем, приятель, за посрамление доктора Винтера.

Вы, быть может, удивитесь, с какой стати я тратил деньги на выпивку и лебезил перед этим простофилей: причина исключительно в том, что мне хотелось поквитаться с Каттсом.

Влив в своего нового приятеля еще немного, что привело последнего в почти веселое настроение, я, следя краем глаза за столом, где Каттс разделял под орех Спиди, говорю юнцу:

– Вот что я скажу тебе, сынок: позором для спортивной чести доброй старой Англии будет, если ты вернешься домой, не увенчанный хотя бы веточкой лавра. Тех пятнадцати фунтов в твой карман мне обратно не вложить, но есть такое предложение – сделай то, что я тебе скажу, и выйдешь из этого зала, одержав победу.

– О, нет, только не это, – говорит он. – Я уже наигрался, хватит. Кроме того, у меня же нет денег.

– Пустяки, – говорю. – Кто ведет речь о деньгах? Тебе же хочется выиграть, а?

– Ну да, только... – протягивает парень, и в глазах его появляется прежнее подозрительное выражение.

Тут старина Флэш хлопает его по коленке.

– Предоставь это мне, – говорю. – Ну же, приятель, чисто ради развлечения. Я устрою тебе матч с моим другом, и ты раскатаешь его, как пить дать.

– Но я же никудышный игрок! – восклицает он. – Как я его побью?

– Не такой уж и плохой, как ты думаешь, – уверяю я. – Это как посмотреть. Подожди-ка минутку.

Я подскочил к одному из хорошо знакомых маркеров.

– Джо, – говорю, – ты не дашь мне бритый шар?

– Вы о чем, капитан? – отнекивается тот. – В нашем доме такого не водится.

– Не дури меня, Джо. Мне ли не знать. Давай же, дружище, это чисто шутки ради, отвечаю. Никаких денег, никакого обмана.

На миг он задумался, потом нырнул за прилавок и вернулся с комплектом бильярдных шаров.

– Парнишка – меченый, – говорит. – Но учтите, капитан Флэшмен: никаких трюков, под ваше честное слово.

– Не сомневайся, – киваю я и возвращаюсь за наш столик. – А теперь, мистер с носом, тебе остается только пустить их в дело.

Юнец, как я отметил, почти расхрабрился: сказывалась выпивка, а еще такое часто бывает с маменькиными сынками, вырвавшимися на волю. В любом случае, про очищенные карманы он уже забыл и глазел на парней, игравших за соседними столами. Многие из них расхаживали в расшитых сюртуках, цилиндрах и с невероятной длины бакенбардами, другие щеголяли фантастических расцветок сорочками, только вошедшими в моду, с орнаментом из черепов, лягушек и змей. Наш юнец зачарованно впитывал эту атмосферу, слушая разговоры и смех, глядя, как официанты снуют туда-сюда с подносами, а маркеры обмениваются репликами. «Да уж, – думаю, – такому деревенщине найдется на что посмотреть».

Я отправился туда, где Каттс разделялся со Спиди, и дождавшись, пока закатали розовый шар, говорю:

– Ну, Каттс, дружище, тебе сегодня прямо удержу нет. А мне вот не везет, сначала нарвался на тебя, потом на того маленького страшного зверя вон там, в углу.

– Как, тебя еще раз сделали? – говорит драгун, оглядываясь. – Ее-ей, не может быть – неужели этот? По виду прям совсем сосунок.

– Ты так думаешь? – отвечаю. – Да он тебя в любой момент разделает сто к двадцати.

Естественно, с такими самодовольными хлыщами большего и не нужно: они сами все сделают, под аккомпанемент хора подхалимов, и Каттс сам предложил моему юнцу сыграть партию.

– Чисто на интерес, имейте в виду, – говорю я на случай, если маркер Джо окажется поблизости, но Каттс уперся: по шиллингу за шар, и мне пришлось поручиться за своего игрока, который спал с лица сразу же, как речь зашла про деньги. Парень к тому моменту

изрядно накачался, в противном случае мне, думаю, вряд ли удалось бы удержать его у стола, ибо малый даже во хмелю оказался изрядным рохлей; в суете и гомоне он растерялся, и я поскорее катнул ему обычный шар, побуждая начать игру. Каттс, весь из себя и подмигивая своим присным, натирал мелом кий.

Вам, быть может, ни разу не приходилось видеть в действии «бритый» шар – а если и приходилось, вы этого могли и не понять. Штука нехитрая: берется самый обычный шар, отдается умельцу, и тот аккуратнейшим образом слегка подбрасывает слоновую кость с одной из сторон – некоторые тупицы пытаются шлифовать его наждачкой, но это бросается в глаза, словно шлюха в церкви. В игре этот шар подставляется сопернику, и дело в шляпе. Простофиля ни в жизнь не заподозрит обмана, ибо грамотно побритый шар можно вычислить только при самом тихом из тихих ударов, благодаря едва заметной дрожи перед остановкой. При сильном же ударе он чуть-чуть отклоняется от заданной траектории, а в бильярде или пуле, где точность – все, этого чуть-чуть оказывается достаточно.

Так или иначе, Каттс попался. Он мазал на дуллетах, пытаясь загнать «чужого», оставив его у самого края лузы, а запуская «дженни» промахивался на отскоке от борта. Он кипятился и сыпал проклятиями, я же приговаривал: «Ну как же так, черт побери, едва не попал!» А мой подопечный старался изо всех сил – кстати, игроком он и вправду был ужасным – и потихоньку набирал очки. Каттс не мог ничего понять: он бьет точно, а шар идет совсем не туда.

Я подсоблял ему, постоянно говоря, что он выбирает не тот шар – для игрока верная гибель – позволить зародиться в себе такому сомнению – и Каттс вышел из себя, совсем потерял осторожность и в итоге проиграл моему юнцу с отрывом в тридцать очков.

Было любопытно наблюдать, как распетушился последний.

– А все-таки бильярд вовсе не трудная игра, – заявляет он, а Каттс, стиснув зубы, принялся отсчитывать проигрыш. Подпевалы Каттса, ясное дело, тут же принялись склонять его кто во что горазд – а именно этого мне больше всего и хотелось.

– Лучше бы потратил денежки, взяв хороший урок, приятель, – говорю я Каттсу. – Эй, Спиди, проводи-ка нашего юного чемпиона туда, где можно чего-нибудь выпить.

Когда они ушли, я с усмешкой обращаюсь к Каттсу:

– Вот уж чего не мог ожидать от парня с такими баками, как у тебя.

– Что это тебя так забавляет, черт побери, а, веселый ты наш Флэши-бой? – вскидывается он. Я же зажимаю меченый шар между большим и указательным пальцами.

– Никак не ожидал, что тебя так легко будет обрить, – говорю. – Ей-богу, ты не больше подходишь для серьезной игры, чем наш юный друг. Тебе только с пожилыми леди в мячик играть.

С проклятьем Каттс выхватил у меня шар, положил на стол и катнул. Он наклонился, следя за шаром выпученными глазами, потом грязно выругался и швырнул шар на пол.

– «Бритый», черт возьми! Чтоб тебе лопнуть, Флэшмен, ты обчистил меня на пару со своим молодым пройдохой! Где этот маленький мерзавец? Вот я ему сейчас задам трепку за такие проделки!

– Придержи свой гнев, – говорю я, покуда его дружки буквально валились на пол от хохота. – Парень ничего не знал. И никто тебя не остриг – разве я не говорил тебе не играть на деньги? – Я бросил на него лукавый взгляд. – «Готов сыграть в любую чертову игру», – говоришь? В выбивалы, в пул, в пирамидку? Но только не в бильярд с сосунками, едва выбравшимися из люльки.

И, оставив его в пресквернейшем расположении духа, я отправился на поиски Спиди.

Вы скажете, что это слишком простая месть – но ведь я и сам человек простой, зато знающий, как поддеть остолопов навроде Каттса. Как там говаривал Хьюз: у Флэшмена был дар чувствовать уязвимое место, и он одним резким словом или взглядом способен был вызвать

слезы у человека, весело смеявшегося перед тем? Что-то вроде того. В любом случае, мне удалось сбить спесь с нашего приятеля Каттса и подпортить ему вечер, а это для меня самое то.

Я разыскал Спида и юнца, который к тому времени уже лыка не вязал, и мы ушли. Мне казалось прекрасной затеей завести его в какой-нибудь дом терпимости на Хаймаркете, подыскать ему шлюху – уверен, что парень ни разу в жизни не был с женщиной, и устроить им гонки: вот умора будет смотреть, как они на четвереньках будут мчаться по коридору к призовому столбу! Но по дороге мы пропустили еще по пуншу, и молокососа развезло. Мы тащили его некоторое время, пока не надоело, потом в одном переулке Риджент-стрит стащили с него штаны, намазали зад ваксой, купленной за пенс по дороге, и заорали: «Ищейки, сюда! Гроза дивизиона „А“ бросает вам вызов! Выходите, черт вас побери!» И как только бобби появились на горизонте, мы слиняли, оставил нашего юного друга торчать носом в канаве, задрав кверху свою просмоленную, распространяющую зловоние корму.

Домой я вернулся очень довольный проведенным вечером; чего мне еще хотелось, так это увидеть лицо доктора Винтера, когда тот встретит своего заблудшего ученика.

И можете себе представить: этот вечер изменил всю мою жизнь и сохранил Индию для британской короны. Не верите? А это так. Сами убедитесь.

Впрочем, ростки посеянного взошли не раньше, чем через несколько дней, а со мной тем временем случилось еще одно происшествие, вполне достойное упоминания здесь. Я встретил старого знакомого, которому предстояло сыграть значительную роль в моей судьбе в ближайшие несколько месяцев – и событие это оказало серьезное влияние не только на нас с ним, но и на саму историю.

Тот день я провел, слоняясь по Конной гвардии, стараясь не попадаться Пэджету на глаза. У меня состоялся, насколько помнится, разговор с полковником Кольтом, американским специалистом, прибывшим с целью выступить перед комитетом по стрелковому оружию.¹³ Мне бы, конечно, стоило запомнить наш разговор, но увы: скорее всего беседа была слишком скучной и насыщенной техническими подробностями. Потом я отправился в центр, в Райд, на встречу с Элспет, решив испить чаю с одной из ее фешенебельных знакомых.

Элспет ехала, сидя в боковом седле, в своем лучшем темно-бардовом платье и шляпке с перьями, и выглядела в десять раз привлекательнее любой дамы в округе. Но подсказав к ней, я едва не выпал из собственного седла от изумления, увидев мужчину, сопровождавшего ее. Это был не кто иной, как лорд Ну-ну собственной персоной, то бишь граф Кардиган.

Подозреваю, с той поры, как четырнадцать лет назад он отправил меня в Индию, я едва ли перемолвился с ним хоть словом, и даже видел только на расстоянии. С того самого момента я ненавидел этого скота, и годы не притупили чувства: именно он вышиб меня из Одиннадцатого за (ирония судьбы) женитьбу на Элспет и обрек на ужасы афганской кампании¹⁴. И вот он тут как тут, увивается вокруг моей жены, хотя некогда презирал ее за неблагородное происхождение. И увивается, кстати говоря, не на шутку: наклонившись в седле, он тянет свою испитую рожу к ее нежному личику, а эта потаскушка смеется и вся прямо светится, польщенная его вниманием.

Заметив меня, Элспет помахала, а его светлость одарил меня столь памятным высокомерным взглядом поверх кончика своего чертового носа. Ему было уже за пятьдесят, и это сказывалось: на баках пробивалась седина, выпученные глаза сделались водянистыми, а влитый в кровь легион бутылок ярко запечатлелся в чрезмерной красноте носа. Тем не менее

¹³ Парламентский комитет сэра Уильяма Моулсворда заседал в марте 1854 года, обсуждая вопросы производства стрелкового оружия. В числе членов комитета находился лорд Пэджет. Подполковник Сэм Кольт, американец, изобретатель револьвера, был в числе экспертов, приглашенных высказать свое мнение. (*Комментарии редактора рукописи*).

¹⁴ См. «Флэшмен».

на коне он сидел по-прежнему прямо, как жердь, а голос его, если и сделался слегка сиплым, не утратил ни на йоту своей былой плунжерской вальяжности.

– Ну-ну, – говорит лорд. – А, да это же Фвэшмен. И где же вы были, сэр? Прятались, повагаю, в обществе этой превестной веи. Ну-ну. Как поживаете, Фвэшмен? Знаете ви, дорогая, – (это он Элспет, чтоб ему лопнуть), – осмеюсь доводить, что сей прекрасный парень, ваш супруг, изрядно добавив в весе с нашей посведней встречи. Ну-ну. Всегда быв тяжевоват двя вегого драгуна, а сейчас – жуть! Вы свишком хорошо его кормите, дорогая! Ну-ну!

Бессовестная ложь, разумеется. Не сомневаюсь, это было сказано в расчете выгодно подчеркнуть свою собственную фигуру, которую можно было назвать тощей. Мне так и хотелось пнуть его в светлейший зад и поучить уму-разуму.

– Здравствуйте, милорд, – говорю я с самой заискивающей улыбкой. – Могу ли выразить восхищение вашим видом? Надеюсь, вы пребываете в добром здравии?

– Спасибо, – говорит он и поворачивается к Элспет. – Как я говорив, у нас в Дине самая вучшая охота. Это свавный спорт, знаете ви, и особенно рекоменован двя юных веи вроде вас. Вы довжны у нас побывать – и вы, Фвэшмен, тоже. Вы вевиковепно держитесь в седве, насковько припоминаю. Ну-ну.

– Польщен, что вы не забываете меня, милорд, – отвечаю я, думая тем временем, что будет, если заехать ему промеж глаз. – Но я...

– А-а, – протягивает Кардиган, томно поворачиваясь к Элспет. – Не сомневаюсь, у вашего мужа так много дев – в Департаменте, иви где-то там? Ну-ну. Но вы можете приехать с кем-нибудь из друзей, дорогая, и остаться подовыше, а? Самые красивые цветы распускаются на природе, не так ви? Ну-ну. – И старый мерзавец нахально наклоняется и хватается ее ручку.

А эта дурочка, буквально растаяв, дарит ему головокружительную улыбку и щебечет, что он слишком, слишком добр. Это он-то? Старый сатир, который ей в отцы годится, и каждая морщинка на лице которого вопиет о грехе! Конечно, там, где действуют такие, всеми силами карабкающиеся наверх маленькие снобы, как моя Элспет, уродливых британских пэров попросту не существует, но даже она не могла не заметить явный перебор в расточаемых им авансах. Ну, да женщинам это всегда нравится.

– Как здорово наблюдать встречу двух старых друзей после долгой разлуки, не правда ли, лорд Кардиган? Однако, Гарри, осмелюсь заявить, что мне не приходилось прежде видеть тебя в обществе его светлости! О, как же ужасно давно, должно быть, это было! – Как видите, она несла чушь, как и положено идиотке. Меня бы даже не удивило, услышь я нечто про «товарищей по оружию». – Вы просто обязаны посетить нас теперь, когда встретились с Гарри снова. Это будет так замечательно, ведь правда, Гарри?

– Дэ-э, – говорит лорд, во взгляде которого читалось, что он ни за что не согласится переступить порог моей жалкой берлоги. – Можно и посетить. Пока же, дорогая, мне необходимо вицезреть, как вы держитесь в седве. Ну-ну. Какое наслаждение смотреть на стовь грациозную даму. Вам решительно сведует посетить Дин. Ну-ну. – Кардиган приподнял шляпу и изящно склонил голову – даже польский гусар не сумел бы лучше, чтоб ему треснуть. – До свидания, миссис Фвэшмен.

Попрощавшись со мной небрежным кивком, лорд невозмутимо порысил по Райду.

– Ну разве он не обходителен, Гарри? Такие элегантные манеры... Впрочем, это естественно для столь знатных особ. Не сомневаюсь, дорогой, стоит тебе поговорить с ним, и лорд с удовольствием поможет тебе найти подходящее местечко: он ведь так добр, вопреки своему высокому положению. Да-да, он обещал мне исполнить все, что попрошу – так в чем же дело, Гарри? Почему ты ругаешься? Тише, милый, люди услышат!

Но ясное дело, ни ругань, ни уговоры на Элспет не действовали: когда дома я рискнул возвысить голос по поводу Кардигана, говоря, как глупо с ее стороны было соглашаться, она восприняла это за ревность с моей стороны – причем не супружескую, заметьте, а порожденную ее успешным внедрением в высшее общество и любезным обхождением пэров, тогда как я, дескать, будучи вынужденным корпеть в своей конторе в Крэтчите, оказался не в силах вынести ее возвышения надо мной. Она даже напомнила, что является дочерью барона, после чего я скрипнул зубами и запулил башмаком в окно спальни. Элспет разревелась и бросилась вон из комнаты, найдя убежище в кладовке для метл, которую отказалась покидать, пока я молотил по стене. По ее словам, она испугалась моей грубости и опасалась за свою жизнь, так что мне пришлось изловчиться взломать дверь и завалить ее прямо в кладовке. Только такой ценой мир был восстановлен. Как вы догадываетесь, этого ей и хотелось с самого начала ссоры. Да, наша семейная жизнь была необычной и утомительной, зато нескучной, как мне сдается теперь с высоты прожитых лет. Помню, как после всего я нес ее на руках в спальню, а она обхватила меня за шею, прижалась к щеке. При виде разбитого окна мы, смеясь и целуясь, стали кататься по полу. Ах, это супружеское счастье! И я, как дурак, забыл наказать ей больше никогда не разговаривать с Кардиганом.

Но в ближайшие дни у меня появились заботы, заставившие забыть про неразумные выходки Элспет. Моя проделка с тем юнцом в бильярдной вышла-таки боком, да еще с самой неожиданной стороны: меня вызвали аж к самому лорду Раглану¹⁵.

Вам, разумеется, известно о нем все. Это тот самый осел, который заправлял тем хаосом, который мы переживали в Крыму, и покрыл себя бессмертной славой как человек, уничтоживший Легкую бригаду. Ему бы быть священником, преподавателем в Оксфорде или официантом – ибо где еще найти такого доброго, обходительного старого хрыча, так ценящего узы товарищества. Это-то и губило его: ни за что в жизни не мог он высказать кому-либо правду в лицо или распечь. И вот этому человеку предстояло стать наследником Веллингтона. Сидя в его кабинете, глядя на добродушное старческое лицо, длинный нос и взъерошенные седые волосы, и на заткнутый за отворот мундира пустой правый рукав, видя его воодушевление и тщедушность, я внутренне содрогнулся. «Благодарение Господу, – думаю, – что мне не придется воевать под начальством этого парня».

Он только-только стал главнокомандующим, протерев до того немало пар штанов в Департаменте вооружения, и теперь от него ждали, что старик возьмет в руки подготовку к будущему конфликту. В итоге, как вы догадываетесь, за мной послали по делу крайней государственной важности: принцу Альберту, нашему праведному Бerti-Красавчику, понадобился новый адъютант, он же конюший, он же внештатный подхалим по совместительству, и кто, кроме нового главнокомандующего, мог справиться с подбором так, чтобы все было исполнено лучшим образом?

Обратите внимание: я не сетую на такую вопиющую неорганизованность руководства – она не была новостью в нашей армии тогда, и сейчас, насколько могу судить, мало что изменилось. Поставьте любого командующего перед выбором: обеспечивать подвоз боеприпасов к погибающей в бою части или вывести на прогулку собачку короля, и он, не раздумывая, помчится рысью, бодро выкрикивая: «К ноге, Фидо»!

Нет-нет, жизнь научила меня, что мне, капитану Гарри Флэшмену, бывшему гусару и герою, не имеющему общественного положения и высоких связей, нечего даже и мечтать войти в благословенные сферы дворца. Ну да, у меня имелись боевые заслуги, но что это значит по сравнению с розовощекими виконтами с волчьим аппетитом и длинной родослов-

¹⁵ Фицрой Джеймс Генри Сомерсет, фельдмаршал лорд Раглан (1788–1855) – британский военачальник, главнокомандующий силами союзников во время Крымской войны.

ной, которыми кишел Лондон? Насколько мне известно, мой пра-пра-пра-прадедущка не претендовал даже на скромный статус ублюдка какого-нибудь захудалого герцога.

Раглан, на свой привычный лад, подходил к разговору, петляя вокруг да около, вспоминая о своей собственной судьбе и подразумевая, что его любимцы должны разделить ее вместе с ним.

– Вам тридцать один год, Флэшмен, – говорит он. – Так-так, я думал, вы старше – вам, получается было... да, только девятнадцать, когда вы покрыли себя славой в Кабуле. Бог мой, такой молодой! С тех пор вы служили в Индии, воевали с сикхами, а последние шесть лет провели на половинном жалованье. Полагаю, вы много путешествовали?

«Ага, и как правило, улепетывая во все лопатки, – подумал я, – и не при обстоятельствах, которые стоит сообщать вашей светлости». Тем не менее я признался в своем знакомстве с Францией, Германией, Соединенными Штатами, Мадагаскаром, Западной Африкой и ост-индскими землями.

– И как я понимаю, вы владеете языками: французским, немецким – превосходно; хинди, персидский – бог мой! – даже пуштунский. Благодарность парламента в сорок втором, медаль королевы – отлично, отлично, награды просто исключительные, да вы и сами понимаете. – Он добродушно рассмеялся. – А до службы в Компании, насколько мне известно, вы были в Одиннадцатом гусарском. Под началом лорда Кардигана? Ага! Так, Флэшмен, скажите-ка, что привело вас в Департамент вооружения?

К этому вопросу я был готов и принялся заливать про необходимость расширить свое военное образование, поскольку у полевого офицера немного таких возможностей и прочая и прочая...

– Да-да, все правильно, всецело согласен. Но знаете, Флэшмен, хотя не в моих правилах препятствовать молодому офицеру познавать все аспекты своей профессии – именно так учил нас, молодежь, наш наставник, Великий Герцог¹⁶ – но мне все же сдается, что Департамент вооружения не слишком подходит для вас, – и генерал поглядел на меня многозначительно и задумчиво, как человек, у которого есть что-то на уме. Его голос понизился до просительного шепота. – Ах, все это хорошо, мальчик мой, но мне кажется – так, чуть-чуть, не более, чем ощущение, – не для такого, как вы, все это, не для офицера, чья карьера была... э-э, ну, такой блестящей, как ваша. Ничего не скажу против Департамента – напротив, я возглавлял его столько лет, – но для юного рубаки с хорошими связями, с высокой репутацией...

Раглан наморщил нос.

– Разве это не называется «тянуть лямку»? Так и есть. Заводчики и клерки – вот кому подобает возиться со всякими там стволами, замками, заклепками, и – упаси бог! – измерениями и тому подобным. Но это же все такая механика, не правда ли?

И почему этому старому хрычу не перейти прямо к делу? Я понимал, к чему все клонится: возвращение в строй и в Турцию, в самое пекло, кто бы сомневался. Но с главнокомандующим не поспоришь.

– Я имею в виду счастливейший жребий, – продолжает он. – Только вчера его королевское высочество принц Альберт, – это Раглан произнес почти благоговейно, – поручил мне подыскать молодого офицера для важной и деликатной должности. Кандидат должен быть, разумеется, из хорошей семьи. Ваша матушка ведь была леди Алисия Пэджет, не так ли? Ах, как мы танцевали с ней... сколько же лет тому назад? Ну, не важно. Помнится, кадрили. Впрочем, одного происхождения недостаточно, в противном случае, признаюсь, я стал бы искать среди гвардейцев. – (Что ж, разумно, черт побери). – Этот офицер должен выказать себя способным, храбрым, имеющим опыт походной и военной жизни. Это самое главное. Он должен быть молод, иметь равно как хорошую подготовку, так и образование; безуко-

¹⁶ Веллингтон.

ризенную репутацию, об этом даже говорить не стоит, – одному Богу известно, какое это имело отношение ко мне, но Раглан продолжал, – и в то же время быть человеком, повидавшим свет. Но самое главное, тем, кого наш старина Герцог назвал бы человеком дельным. – Командующий расплылся в улыбке. – Признаюсь, ваше имя должно было тут же всплыть в моей памяти, но его высочество меня опередил. Надо полагать, наша милостивая королева напомнила ему про вас.

«Так-так, – думаю я, – даже сквозь годы маленькая Вики пронесла воспоминание о моих бакенбардах. Помню ее мечтательный грустный взгляд, с которым она цепляла мне медаль в сорок втором: все они одинаковы, не могут устоять перед парнем с молодецкой грудью и решимостью в глазах.»

– Так что могу поведать вам, – продолжает Раглан, – в чем заключается эта ответственная должность. Осмелюсь спросить: вам не доводилось слышать про принца Вильяма Целльского? Это один из европейских кузенов его высочества, который гостит у нас инкогнито, изучая английский уклад с целью поступить на службу в британскую армию. Его семья хочет, чтобы, как только наши войска отправятся за море – надеюсь, это произойдет скоро, – юноша присоединился бы к ним в качестве члена моего штаба. Но на время, пока его препоручат моему надзору, крайне важно, чтобы рядом с ним неотрывно находился офицер, наделенный качествами, о которых я только что упомянул. Нужен тот, кто будет направлять первые шаги принца, оберегать его, отвращать от искушений, развивать его военное образование и вообще всеми способами заботиться о духовном и физическом здоровье молодого человека. – Раглан улыбнулся. – Принц очень юн и мягок, ему необходима твердая дружеская поддержка того, кто сумеет завоевать доверие этой пылкой и увлекающейся натуры. И у меня нет сомнений, что мы с вами можем найти такого человека. Вы не согласны?

Бог мой, ты обратился в нужный магазин, приятель. Фирма «Флэши и К°»: мораль оптом, присмотр за пылкими и увлекающимися натурами, духовные наставления гарантируются, молитвы и исповедь по два шиллинга сверх платы. И как их угораздило меня выбрать? Ну ладно, королева, но Раглан-то должен знать, с кем имеет дело? Допустим, я герой, но мне казалось, мой беспорядочный образ жизни, скитания и пьянство – общеизвестный факт. Ей-богу, он должен знать! Возможно, тайный умысел состоял в том, что именно эти качества и требовались – и я не уверен, что это ошибка. Но самое важное – все мои хитроумные планы избежать пуль и снарядов летят в тартарары: мне предстоит состоять при штабе и нянчиться с этим немецким сосунком в дебрях Турции. Хуже просто некуда.

Я сидел, кивая, как болванчик, и глупо ухмыляясь – а что еще оставалось делать?

– Полагаю, мы можем себя поздравить, – гнул свое старый идиот. – Завтра я провожу вас во дворец и познакомлю с вашим новым подопечным. Поздравляю, капитан, и выражаю уверенность, – он с приветливой улыбкой жал мне руку, – что вы с таким же блеском оправдаете возложенное на вас доверие, как и прежде. Всего доброго, дорогой сэр.

– А теперь, – долетели до меня, пока я раскланивался, его слова, обращенные к секретарю, – вернемся к этим треклятым военным делам. Насколько понимаю, никто так и не знает, когда все начнется? Ладно, будем надеяться, что они таки решатся.

Как вы, без сомнения, уже догадались, во дворце, куда я попал следующим утром, меня ожидал удар. Раглан вел меня. Мы миновали вереницу болтливых лакеев со щетками, которые запомнились мне по предыдущему визиту вместе с Веллингтоном, и после доклада оказались в приемной, где нас ожидал принц Альберт. Там присутствовали священник и пара типичных для двора ребят в утреннем туалете, державшихся скромненько на заднем плане, а еще – по правую руку от Альберта – стоял мой юный приятель из бильярдной. Заметив его, я будто получил пинок в живот – на миг мы с ним застыли, глядя друг на друга, потом сумели овладеть собой; сгибаясь вместе с Рагланом в поклоне, я поймал себя на мысли: удалось ли им хотя бы оттереть ваксу у него с задницы?

Как я и ожидал, Альберт заговорил своим резким, с немецким акцентом, голосом; принц оставался все тем же холодным, самодовольным хлыщом, каким был двадцать лет назад, во время первой нашей встречи, с теми же жуткими бакенбардами, выглядевшими так, словно кто-то пытался выдрать их, но бросил эту затею на полпути. Он обратился ко мне, указывая на лежащий на столе бесформенный предмет.

– Што ви думать про новый шапк для Гвардия, капитан Флаш-манн?

Я сразу сообразил что к чему: эта тема не сходила со страниц юмористических газет, которые подшучивали над изобретением Е.К.В. Принц то и дело внедрял в войсках нелепицы собственного сочинения, в которых, как верноподданнейше пыталась довести до его сведения Конная гвардия, вовсе не имелось нужды. Я посмотрел на последнюю новинку: отвратного вида фуражка с длинными клапанами, и заявил, что эта штука, должно быть, окажется невероятно удобной в обращении и выглядит просто замечательно, кстати. Превосходно, первоклассно, лучше не придумаешь, и как только никто раньше не додумался!¹⁷

Принц довольно кивнул, потом говорит:

– Как я понимать, вы учились в Рагби, капитан? Ах, подождите-ка: капитан? Не возможно быть. Не полковник, нет? – и он поглядел на Раглана, который ответил, что ему в голову приходила та же мысль.

«Ладно, – думаю, – если так происходят повышения, я не против».

– Рагби, – повторил Альберт. – Это великий английский школа, Вилли, – обращается он к молокососу, – одна из тех, где юнцы вроде тебя превращаться в мужчин, как полковник Флаш-манн.

Ага, так и есть, это было похоже на нечто среднее между тюрьмой и борделем. Я стоял, приняв вид парня, который каждый день с молитвой принимает холодные ванны.

– Полковник Флаш-манн есть знаменитый воин Англии, Вилли. Хотя он такой молотой, он завывает... завоевать лавры за храбрость в Индия. Видишь? Вот, ему предстоять стать твой друг и учитель, Вилли: слушай все, что он тебе сказать; подчиняйся ему в точности и с охотой, как положено зольдат. Дисциплин есть первый закон в армия. Ты понимать, Вилли?

Бросив на меня нервный взгляд, парень впервые заговорил:

– Да, дядя Альберт.

– Очень карашо. Можешь пожать руку полковник Флаш-манн.

Парень нерешительно подошел и протянул мне руку.

– Здравствуйте, – пробормотал он, и звучало это так, будто слово было заучено им только что.

– Называй полковник Флаш-манн «сэр», Вилли, – говорит Альберт. – Это вышестоящий офицер.

Мальчишка вспыхнул, а я – ни в жизнь не скажу, как у меняхватило духу заявить подобное в присутствии такого зануды, как Альберт, но мне важнее всего было завоевать расположение юнца: не так часто у вас заводятся в друзьях принцы, и мне подумалось, что Флэши не должен дать маху.

– С разрешения вашего высочества, – говорю, – мне кажется, что вне официальной обстановки будет вполне уместно звать меня «Гарри». Привет, юноша.

Парень оторопел, потом улыбнулся. Придворные осуждающе зашушукались, Альберт сначала растерялся, потом тоже улыбнулся, а Раглан одобрительно хмыкнул.

¹⁷ Помимо широкой критики, звучавшей в адрес принца Альберта за его вмешательство в государственные дела, рвение последнего в части внедрения новых элементов военного обмундирования вызвало немало шуточек весной 1854 года. На деле, если судить по рисункам того времени, так называемый «Альбертовский берет» представлял собой практичный, хотя и несколько неказистый, головной убор типа фуражки. Но в то время вокруг британского мундира разгорались ожесточенные споры – традиционные стоячие воротники и ошейники служили основной мишенью, и любые предложения его королевского высочества принимали обычно в штыки. (*Комментарии редактора рукописи*).

– Ну вот, Вилли, теперь ты иметь английский товарищ. Очень карашо. Посмотришь, лучше и быть не может. А теперь иди вместе с ... Гарри, – Альберт чванно улыбнулся, и придворные подобострастно замурчали. – Он познакомить тебя с твои обязанности.

II

За свою растраченную впустую карьеру мне пришлось провести при различных дворах немало времени, и я выработал стойкое предубеждение против венценосных особ. Сами по себе они могут быть вполне безобидным народом, но привлекают целые толпы проходимцев и висельников, и по моему собственному опыту, чем ближе ты к трону, тем больше у тебя шансов попасть на линию огня. Ей-ей, когда я сам был принцем-консортом, половина головорезов Европы пыталась меня прикончить¹⁸. И даже занимая более скромные посты – начальника штаба при Белом Радже, военного советника и верховного наложника при черной дьяволице Ранавалуне, чрезвычайного представителя при дворе короля Дагомеи Гезо (чтоб ему сгнить в аду) – я считал себя счастливым, когда отделивался только изрядно попорченной шкурой. И это неожиданное приближение к Сент-Джеймскому двору не составило исключения: роль няньки при маленьком Вилли обернулась на деле одной из самых опасных переделок.

При этом сам по себе парнишка оказался довольно приятным и привязался ко мне с самого начала.

– А ты молоток, – заявляет он, как только мы остались одни. – Правильное слово? Когда я тебя увидел, то не сомневался, что ты сболтнешь им о бильярдной, и мне влетит. Но ты ничего не сказал – вот что значит настоящий друг.

– Меньше слов – проблем не будет, – говорю я. – Но с какой стати тебе переживать за ту ночь? Я же видел, что ты отправился домой в полном порядке. Не знаю, что с тобой там дальше произошло.

– Я и сам не знаю, – отвечает Вилли. – Все, что помню, это как какие-то злодеи напали на меня в темном переулке и... стащили кое-что из одежды. – Он вспыхнул и затараторил: – Я сопротивлялся изо всех сил, но их было слишком много! А потом прибежала полиция, и послали за доктором Винтером – ах, такой переполох! Но ты был прав – учитель слишком испугался за свое место и не стал докладывать его высочеству. Но мне сдается, что именно по его настоянию было решено приставить ко мне особого надзирателя. – Юнец одарил меня застенчивой, счастливой улыбкой. – Какое счастье, что им оказался ты!

«Счастье или нет, еще посмотрим, – думаю я. – Нам предстоит идти на войну, если эта треклятая штука таки начнется».

Но размышляя об этом, я находил основательным, что никто не станет слишком сильно рисковать драгоценной шкурой Крошки Вилли, а стало быть, и его наставнику мало что грозит. Но вслух сказал только:

– Что ж, полагаю, доктор Винтер прав: за тобой нужен глаз да глаз, потому что представлять тебя самому себе опасно. Так что учти: я парень простой, это тебе любой скажет, но не люблю выкрутасов, ясно? Делай, что я тебе говорю, и все будет первый сорт, еще и повеселимся. Но только не принимайся за свои штучки – я тебе не доктор Винтер. Договорились?

– Ага, сэр... Гарри, – говорит он бодро, и вопреки кроткому взгляду, я заметил в уголках глаз озорной блеск.

Начали мы с правильной ноги, совершив весьма приятственный тур по портным, оружейникам, обувщикам и прочим, ибо юнец не имел ничего из необходимого солдату, я же намеревался оснастить его – и себя заодно – по последней моде. Роскошь таскаться по лучшим магазинам, предъявляя счета на имя Ее Величества, была мне до тех пор не знакома, и я, поверьте мне на слово, не скромничал. Вежливый намек Раглану, и нас приписали к Семнадцатому уланскому – полк, возможно, не высшего пошиба, зато я представлял, как

¹⁸ См. «Флэш по-королевски».

станет скребыхать своими редкими зубами Кардиган, заслышав новость, к тому же в свои индийские годы я был уланом. На мой вкус, у них самая знатная экипировка среди легкой кавалерии – синие с золотом мундиры, и чем ткань темнее, тем лучше, когда у тебя фигура соответствует, а уж моя-то соответствовала.

В любом случае, юный Вилли захлопал в ладоши, увидев себя в новом облачении и заказал еще четыре комплекта – никто не сорит деньгами сильнее, чем заезжие королевские особы, это всем известно. А принцу еще предстояло купить лошадь, оружие и запастись штатским платьем, найти слуг, заготовить припасы – одно это отняло у меня целый день. Раз уж мы готовимся к кампании, я намеревался провести ее со всей возможной роскошью: вино по соверену за дюжину бутылок, сигары по десять гиней за фунт, консервированные продукты лучшего качества, шикарное белье, отличный спирт галлонами, и все прочее, что может пригодиться, если ты собираешься воевать как положено. Последним моим приобретением была жестяная банка с галетами, вызвавшая у Вилли бурный приступ веселья.

– Это ведь корабельные сухари – с какой стати они нам?

– Для страховки, приятель, – отвечаю я. – Возьми их с собой, и тебе даже не придется о них вспоминать. Оставишь здесь – слово даю, закончится тем, что станешь глодать кровавый снег да дохлых мулов. Святая правда, поверь.

– Вот весело будет! – радостно вопит Вилли. – Мне так хочется отправиться поскорее!

– Будем питать надежду, что тебе не придется так же страстно желать вернуться назад, – говорю я и киваю на гору деликатесов, которые мы заказали. – Это все, что по-настоящему будет волновать нас там.

При этих словах он спал с лица, и мне пришлось подбодрить его несколькими историями о моих отчаянных подвигах в Афганистане и других местах, исключительно с целью напомнить, что предусмотрительный солдат вовсе не обязательно окажется тряпкой. Затем я провел его по раутам, клубам, через Конную гвардию и Гайд-Парк, представляя принца каждому, к кому имел расчет подлизаться – и клянусь Георгом, стоило пролететь слуху, кто таков мой спутник – отбоя в друзьях и подхалимах у нас не было. Такого количества лизоблюдов я не встречал со времени своего возвращения из Афганистана.

Можете себе представить, как восприняла новости Элспет, когда я намекнул ей, что принц Альберт выбрал именно меня в качестве наставника одного из высочеств. Она завизжала от радости и тут же затараторила о приемах и суаре, которые мы устроим в честь принца, и новых коврах и шторах, которые нужно заказать у Холландов, и о необходимости нанять дополнительных слуг, и о списке приглашенных, и о том, как она будет одета:

– Ведь мы будем теперь у всех на устах, и я стану объектом всеобщего внимания, и все захотят нанести нам визит. Ах, как это здорово! У нас все время гости, гости, и ...

– Умерь пыл, дорогая, – говорю я. – Не мы будем принимать – это нас будут посещать. Прикупи себе еще каких-нибудь шмоток, если их есть куда вешать, а потом дожидайся визиток на подносе.

И последние не замедлили появиться. От желающих припасть к прелестным ножкам миссис Флэшмен не было отбоя, и та всюду упивалась славой. Должен отметить, однако, что в характере Элспет ни на гран не было чванства, и внезапно вознесшись, моя жена ухитрилась никого не оскорбить. Возможно, она, подобно мне, осознавала, что все это не может длиться вечно. Я был весьма доволен собой в те дни и старался не замечать оброненных там или тут реплик: как-де странно, что Ее Величество выбрало вожатым для своего юного кузена не кого-то из алой бригады, и даже не из гвардейцев, а простого офицера – и вообще, кто такой этот Флэшмен?

Зато пресса воспринимала все на ура. «Таймс» одобряла, что «почетная задача в деле военного воспитания юного принца была доверена не придворному, а простому солдату. Если разразится война, а это наверняка случится, если русский деспотизм и высокомерие

продолжат испытывать наше терпение, можно ли мечтать о лучшем телохранителе и менторе для его высочества, нежели Афганский Гектор? Можем с уверенностью заявить – нет, и еще раз нет!». (Готов с уверенностью принять любое количество заверения, и да поможет им Бог.)

Даже «Панч», избегающий, как правило, писать о дворце, и клявший орду иностранных родственников королевы последними словами, поместил на своих страницах карикатуру, изображавшую меня, указывающего юному Вилли на дорожный указатель, на одной из стрелок которого значилось «Гайд-Парк», на другой – «Честь и доблесть». Я говорю: «Итак, мой мальчик, ты хочешь быть светским шаркуном или лихим воякой? Нельзя быть тем и другим одновременно, если маршируешь в ногу со мной». Картинка изрядно меня порадовала, хотя Элспет решила, что я на ней недостаточно хорошо выгляжу.

А тем временем малютка Вилли наслаждался всей этой шумихой, как шотландец выпивкой. Вопреки врожденной застенчивости, паренек оказался живым, жадным до удовольствий и легким по характеру; он мог лихо осадить какого-нибудь не в меру фамильярного типа, но при желании был сама любезность – как, например, с Элспет, когда я пригласил его к нам на чай. Вот что я вам скажу: мужчина, не пытавшийся произвести впечатления на Элспет, – либо дурак, либо евнух. А маленький Вилли не был ни тем ни другим, это я выяснил на следующий день нашего совместного пребывания. Мы щеголяли по Хаймаркету – выбирали пару штанов а-ля «гром и молния»¹⁹, фасона, который парень просто обожал. День клонился к вечеру, и проститутки начали выстраиваться на парад. Юный Вилли некоторое время тарасился на пару размалеванных до жути принцессок томным взором, потом сообщает мне доверительным шепотом:

– Гарри, э... Гарри, а эти женщины... Это...

– Шлюхи, – говорю я. – Выкинь из головы. Вот завтра, Вилли, мы пойдем в Артиллерийское общество, там нам покажут, как брать орудие на передок...

– Гарри, – говорит он. – Я хочу шлюху.

– Что? Об этом и речи быть не может, приятель, – я не верил своим ушам.

– А я хочу, – твердит парень и, черт побери, пялится на девок, словно какой-нибудь сатир, а не блестяще образованный юный христианский государь. – У меня никогда не было шлюхи.

– Даже думать не смей! – говорю я, выходя из себя. – Молодой человек, да это ни в какие ворота не лезет! Ты не должен сейчас забивать себе голову такими вещами. Я не потерплю такого ... э-э ... распутства. Однако, ты меня удивляешь! Что бы подумал... да, что подумал бы принц Альберт, услышав такое? Или доктор Винтер?

– Хочу шлюху! – повторяет Вилли, почти гневно. – Мне известно... известно, что это нехорошо, но плевать! Ах, ты даже представить не можешь, каково это! С самого нежного возраста мне запрещалось разговаривать с девочками – во дворце мне не разрешали даже играть с моими маленькими кузинами в «бутылочку» или что-нибудь подобное! Меня не водили в танцевальные классы: вдруг возбужусь! Доктор Винтер постоянно читал мне нотации, что это грех, и расписывал, как мучаются распутники в аду после смерти, и предостерегал меня не попускать плотских мыслей! Старый дурак! Я, конечно, только об этом и думал! О, Гарри, я знаю, что это грех, но мне все равно! Я хочу вон ту, – повторяет Вилли, и на его юном неиспорченном лице проявляется похотливое выражение, – с длинными золотистыми волосами и большой, округлой...

– Прекрати сейчас же! – говорю я. – Чтобы я ничего подобного больше не слышал!

– А еще на ней черные атласные башмачки и шнуровка до самых бедер, – добавляет он, плотоядно облизываясь.

¹⁹ Брюки в полосочку. – *Примеч. автора.*

Меня не так-то легко поставить в тупик, но это было слишком. Мне ли не знать, что юноши – народ пылкий, но этот просто извергал огонь. Я попытался прикрикнуть на него, потом принялся убеждать, так как при мысли о том, как после тура по столичным борделям мы можем вернуться в Букингемский дворец с новоприобретенным триппером или попадемся на крючок к шантажистам, у меня кровь стыла в жилах. Но все без толку.

– Если ты откажешь, – решительно этак заявляет Вилли, – я сам себе найду.

У меня опустились руки. В конце-концов я решил пойти ему навстречу, только приняв соответствующие меры предосторожности. Я отвел его в одно известное мне дорогое местечко в Сент-Джонс Вуд и, взяв со старой сводни клятву хранить тайну, поручил мегере подыскать девчонку. Та расстаралась на славу, вернувшись с раскрашенной блондиной – атласные башмачки и прочее, – при виде которой Вилли застонал и сделал стойку, словно сеттер. Не успела закрыться дверь, как он уже попытался оседлать красотку и, разумеется, устроил жуткую суматоху: бился, как горностаи в силке, безо всякого толку. Наблюдая за ним, я почти расчувствовался, вспоминая, каким был в свои молодые годы, когда каждый мой процесс состыковки предварялся тем, что я грохался на пол, лихорадочно пытаюсь стянуть присосавшиеся к лодыжкам чертовы бриджи.

Для себя я выбрал смугленькую шустрю цыганочку, с которой мы и расположились на соседней койке. Когда мы уже все закончили и блаженно потягивали холодный кларет, оказалось, что Вилли со своей еще толком и не начал. Однако киска знала свое дело хорошо. В итоге парень дошел до кондиции, как архидьякон в праздник, и вскоре мы уже уселись за приятный ужин из лососины под холодным соусом. Но не успели мы добраться до десерта, как Вилли опять набросился на свою подружку: откуда только у этих юнцов силы берутся? Для меня это было слишком скоро, так что пока они упражнялись, я со своей смугляночкой развлекался, подглядывая через глазок за соседней комнатой, в которой двое немолодых моряков резвились с тремя китаянками. Эти ребята были похлеще Вилли – надо думать, результат долгих путешествий.

Когда пришло время уходить, Вилли был измотан так, что качался, словно камыш на ветру, но гордился собой как герой из кукольного театра.

– Ты – прекрасная шлюха, – говорит он блондинке. – Я тобой доволен и буду частенько тебя навещать.

Что он и делал, спустив на нее целое состояние в звонкой монете, в которой, естественно, не испытывал недостатка. Будучи «юным и увлекающимся», как сказал Раглан, принц перепробовал множество других потаскушек в заведении, но неизменно возвращался к той блондинке. Он был без ума от нее. Бедняга Вилли.

Так развивалось наше военное образование, и Раглан предостерегал меня от излишнего усердия.

– Его высочество выглядит совсем бледным, – говорит. – Боюсь, вы требуете от него слишком много, Флэшмен. Ему нужно и отдохнуть иногда, не так ли?

Я бы мог ответить, что единственное, в чем нуждается этот парень, это в паре железных штанов, ключ от которых покоится на дне Змеиной речки, но важно кивнул, заметив, как трудно удержать ретивого юношу, так спешащего приобрести знания и опыт. Впрочем, когда дело дошло до изучения основ штабной работы и армейских порядков, Вилли все схватывал на лету: единственное, чего я опасался, это что парня и впрямь могут счесть пригодным и задействуют на активной службе по нашем прибытии на Восток.

В том, что мы туда поедem, сомнений уже не оставалось. В конце марта война была таки объявлена, вопреки сопротивлению Абердина²⁰, и толпа от Шетландских островов до самого Корнуолла буквально взвыла от восторга. Послушать ее, так нам и нужно было

²⁰ Джордж Гамильтон-Гордон, граф Абердин (1784–1860) – премьер-министр Англии в 1852–1855 гг.

всего лишь просто топтать прямиком на Москву. Мол, лягушатники-французы будут за нами тащить наши ранцы, а трусливые русские разбегаться в страхе под грозным взором британских вояк. Обратите внимание, я не говорю, что объединенная английская и французская армии не могли этого достичь – отдай их только под начало какому-нибудь Веллингтону, у них бы было шило в заднице, в то время как у русских его не было. Скажу вам еще одну вещь, которую никогда не поймут военные историки. Они называют события в Крыму катастрофой, и это так, и винят в ней штабных и снабженцев, и это тоже верно. Но им невдомек, что даже при идеальной работе тех и других разница между кошмарным поражением и блестящим успехом зачастую не толще сабельного лезвия. Но когда все кончено, никто уже не принимает этого в расчет. Одержжишь победу и эти мудрилы даже не вспомнят о неприбывших госпиталях, об испорченных рационах и паршивой обуви, как и о генералах, больше пригодных носить горшки в уборную. Проиграешь – только обо всем этом и будут толковать.

Должен признаться, я подозревал худшее задолго до начала нашего похода. В тот самый день, когда объявили войну, мы с Вилли пошли к Раглану с докладом в Конную гвардию, и в моей памяти всплыл военный городок под Кабулом: все бегают, кричат, злятся, но никто ничем не управляет. Старина Эльфи сидит, начищая ногти и бубнит: «Нам надо твердо определиться со своими действиями», а его штабные сходят с ума от нетерпения и безделья. Все тоже самое наблюдалось в приемной у Раглана; там толпился самый разный народ: Лукан и Хардинг, и старый Скарлетт, и Андерсон из Департамента, штабные и ординарцы сновали туда сюда, козыряя и суется. На столах росли груды бумаг, расстилались карты. «Где, черт возьми, эта Турция? – спрашивал кто-то. – Как вы думаете, там часто бывает дождь?» Зато внутри святая святых царили мир и покой. Если не ошибаюсь, Раглан вел речь о шейных платках, и о том, как надо их завязывать под подбородком.

Впрочем, за месяц, в течение которого наш решительный и тяжелый на подъем командующий все никак не мог собраться и отбыть на театр боевых действий, нам хватило времени потренироваться с узлами. Вилли и я не попали вместе с Рагланом в первую партию отправки, что меня радовало, ибо нет хуже наказания, чем высадка на необжитом месте. Все время мы оставались при Конной гвардии, и Вилли либо добивал себя ночными утехами в Сент-Джонс Вуд, либо глазел на церемонии, которых в городе в те дни проводилось несусветное количество. Так бывает всегда перед тем, как начнется стрельба: хозяева из кожи вон лезут, угощая солдат, штатский сброд преисполняется дружеской привязанности (благодарение Господу, ведь это не мы идем на войну!), юные плунжеры и повесы стремятся распить с ними по стаканчику, невесты стараются предупредить любое желание парней, которые отправляются в пушечное жерло, кружение танца, глаза блестят ярче, смех становится пронзительнее. И только те из облаченных в мундиры, кто постарше, сидят у огня и молча прихлебывают пунш.

Элспет, разумеется, оказалась в своей стихии: танцевала ночи напролет, шутила с молодыми офицерами и флиртowała со старшими. Кардиган, как я заметил, так и увивался вокруг нее, получая авансы от маленькой потаскушки. Он выхлопотал для себя Легкую кавалерийскую бригаду, бывшую притчей во языцех во всех гусарских и уланских полках армии, и еще более, чем обычно, раздувался от спеси. Его картавые разглагольствования и раскатистое «ну-ну» звучали, казалось, повсюду. Кардиган всем хвастал, как он со своими вишневоштанниками будет представлять собой элиту наступающей армии.

– Повагаю, Вукан станет номинальным командующим кававерией, – услышал я адресованную им своим присным реплику на одной из вечеринок. – Вадно, допустим, он их чем-то устраивает, уж не знаю чем, и может непвохо пригвядеть за ремонтом. Ну-ну. Надеюсь, бедняга Рагван не найдет его свишком уж обременительным. Ну-ну.

Речь шла о Лукане, его шурине; они друг друга терпеть не могли, что совсем неудивительно, так как оба были мерзавцами, особенно Кардиган. Но не все у его всемогущей свет-

лости шло по заказу, ибо пресса, ненавидевшая лорда, покатила очередную волну на обтягивающие лосины гусар из Одиннадцатого. «Панч» посвятил им стишок под названием «Ах, панталоны цвета вишни», взбесивший Кардигана. Все это, естественно, чушь, ибо лосины их обтягивали ничуть не сильнее, чем прочих, – я носил эту форму достаточно долго и знаю, что говорю, – но было приятно видеть, как кипятится Джим-Медведь, будучи насажен на вертел охочей до развлечений публики. Боже, вот бы этот вертел был настоящим, и мне дали покрутить ручку!

Насколько помнится, это было вечером в начале мая, поскольку Элспет получила приглашение на шествие с барабанами в Мэйфере в ознаменование первого настоящего сражения, которое произошло за неделю с небольшим перед тем: наши корабли обстреляли Одессу и перебили половину окон в городе, так что наша неугомонная толпа пришла в неистовство, вздымая здравицы в честь великой победы.²¹ Никогда еще Элспет не была так прелестна, как в тот день, в платье из отливающего атласа и без всяких украшений, только с венком на своих золотых волосах. Я бы не отпустил ее просто так, но она очень спешила уложить в кроватку крошку Гавви – хотя нянька могла с этим справиться в сто раз лучше нее – и боялась, что я подпорчу ее туалет. Я зажал ее, пообещав устроить хорошенькую взбучку по возвращении, но Элспет отмахнулась, сообщив, что Марджори пригласила ее с ночевкой, хотя жила всего в нескольких улицах от нас. Танцы-де продлятся до утра и она слишком устанет, чтобы добираться до дому.

Так она испарилась, послав мне воздушный поцелуй, а я поплелся в Конную гвардию, где далеко за полночь не утихала суета по поводу отправки инженерного корпуса: Раглан отчалил в Турцию, оставив кучу недоделанной работы, и нам приходилось засиживаться часов до трех ночи. К этому времени даже Вилли был слишком измотан, чтобы принести обычные свои дары Венере, так что мы заказали кое-чего перекусить – помнится, это было «гарри энд грасс»²², совершенно не улучшившее моего дурного расположения духа, и Вилли отправился домой.

Я был злой и усталый, но спать не хотел, так что решил пойти и напиться. Меня терзали предчувствия насчет будущей кампании, в глазах мелькали бесконечные донесения и рапорты, голова раскалывалась, ботинки жали, так что я накачался «свистопузом»²³ с бренди, неизбежным результатом чего стал факт, что тот кабачок в Чаринг-Кроссе я покидал в изрядном подпитии. Я подумывал насчет шлюхи, но все же отбросил эту мысль. Меня вдруг осенило: «Элспет, вот кто мне нужен, и никто иной. Ничего себе, я тут собираюсь на войну, сжав кишки в комок, а она развлекается себе на балу, смеется и строит глазки этим молодым ухажерам, весело проводит время. Неужто у нее не найдется пяти минут, чтобы покувыркаться со мной? Она же моя жена, черт побери!» Влив в себя еще порцию бренди, я принял твердое решение пьяницы: отправиться к Марджори, потихоньку разведать, где спит моя благоверная, вломиться к ней и показать, что она потеряла сегодня вечером, отказав мне. Да-да, именно – ведь это так романтично: уходящий на фронт воин ласкает деву, оставляемую дома, она же, исполненная любви и желаний, принимает к нему. Да уж, выпивка – страшная вещь. В общем, я взял курс на запад, прихватив с собой полную бутылочку, чтобы скрасить долгую дорогу – было уже четыре и кэбы не ездили.

Когда я достиг дома Марджори – огромного особняка, обращенного к Гайд-Парку, с горящим во всех окнах светом, я вилял по всей ширине дороги и распевал «Вилликинс и его

²¹ Большая бомбардировка Одессы британскими кораблями состоялась 22 апреля, но не нанесла серьезного ущерба. (Комментарии редактора рукописи).

²² Баранье рагу со спаржей. – Примеч. автора.

²³ Смесь из рома, пива и черной патоки.

Дина».²⁴ Лакеи у дверей не обратили на меня внимания, поскольку дом, судя по гаму и суматохе, был битком набит пьяными парнями и очумевшими девицами. Разыскав кого-то вроде дворецкого, я поинтересовался, где находится комната миссис Флэшмен, и стал взбираться по бесконечной лестнице, обтерев по пути все стены. Мне встретилась горничная, указавшая верный путь, я постучал в дверь, ввалился внутрь и обнаружил, что там никого нет.

Это была спальня леди, как пить дать, но самой леди там не оказалось. Все свечи горели, кровать была разобрана, на подушке лежала тонюсенькая ночная сорочка из Парижа, которую я купил для своей любимой, в воздухе царил ее аромат. Я стоял, пьяно размышляя: танцует еще, что-ли? Ну, мы сегодня еще спляшем отличнейший хорнпайп на двоих. Ага, устрою ей сюрприз: спрячусь и выскочу, когда она вернется. В комнате нашелся большой чулан, заваленный одеждой, постельным бельем и прочей чепухой. Туда я и забрался, как и полагается пьяному влюбленному ослу – вас это удивляет, не правда ли, учитывая все мои приключения? Устроившись на чем-то мягком, я допил остатки бренди и погрузился в дремоту.

Сколько я проспал, не знаю – видимо, недолго, поскольку, проснувшись, почувствовал в голове все тот же туман. Медленно приходя в себя, я услышал как женский голос напевает «Аллан Уотер», потом до меня донесся смех. «А, – думаю, – Элспет вернулась. Пора вставать, Флэш». Пока я поднимался и утверждался на ногах, из комнаты слышались странные звуки. Голос? Голоса? Кто-то ходит? Входная дверь закрывается? Я не мог понять, но с шумом распахнув дверцу чулана, услышал резкое восклицание, которое могло оказаться чем угодно, от смеха до крика отчаяния. Я вывалился из своего логова, подслеповато мигая в ярком свете, и мое шутовское приветствие замерло на губах.

Эту картину мне не забыть никогда. Элспет стоит на кровати, совершенно голая, за исключением панталон с оборками, венок по-прежнему на голове. Глаза круглые от ужаса, а кулачок поднесен к губам, как у нимфы, застигнутой Паном, кентавром или пьяным мужем, появившимся из гардероба. Я пожирал ее похотливым взором некоторое время, а потом вдруг понял, что мы не одни.

На полпути между кроватью и дверью стоял седьмой граф Кардиган. Его элегантные вишневые лосины болтались на коленях, а обе руки оттягивали вниз переднюю полу сорочки. Он направлялся к моей жене, и, судя по выражению его лица – принадлежавшего к типу похотливых вытянутых апоплексических физиономий с сеточкой глубоких морщин – и по иным, достаточно явным признакам, его намерения не ограничивались досужим желанием сравнить форму родинок. Увидев меня, он замер, по лицу у него пошли пятна, глаза выпучились. Элспет взвизгнула, и несколько секунд мы молча таращились друг на друга.

Кардиган оправился первым, и, вспоминая об этом сейчас, я отдаю ему должное. Для меня, как вам известно, подобная ситуация была неновой – мне не раз приходилось бывать в его шкуре, так сказать, когда мужья, легавые или бандиты заставляли меня врасплох. Будучи на месте Кардигана, я бы подтянул штаны, метнулся к окну, дабы обмануть разгневанного супруга, потом, спружинив от кровати, в мгновение ока выскочил бы за дверь. Но лорд Ну-ну так не поступил. Он был невозмутим. Кардиган отпустил сорочку, надел лосины, откинул голову, посмотрев прямо на меня и выдавил: «Доброй вам ночи!» Потом повернулся, твердым шагом вышел и закрыл за собой дверь.

Элспет, всхлипывая, рухнула на постель. Я стоял, не веря своим глазам, пытаюсь прогнать из головы хмельной дурман, считая увиденное его порождением. Но это был не пьяный кошмар; я смотрел на эту грудастую потаскуху на кровати, и терзавшие меня четырнадцать лет смутные подозрения возродились вновь, обратившись теперь в уверенность. Наконец я поймал ее с поличным, разве что не в объятьях этого похотливого старого мерзавца! И я

²⁴ «Вилликинс и его Дина» была самой модной песней 1854 года. (Комментарии редактора рукописи).

появился как раз вовремя, чтоб помешать ему, черт побери! То ли вследствие выпивки, то ли в силу испорченной моей натуры я чувствовал не столько ярость, сколько злорадное удовольствие, что таки застукал мою женушку. О, ярость пришла позже и страшное отчаяние, словно острый нож, терзающее меня по временам и до сих пор. Но бог мой, я же был актер по-жизни, и мне еще ни разу не выпадала возможность сыграть роль оскорбленного мужа.

– Итак? – это слово выдавилось из меня с каким-то странным хрипом. – Итак? Что? Что? Ну!

Надо полагать, выглядел я жутко, так как Элспет, перестав всхлипывать, задрожала, как подстреленная, и попыталась сползти за противоположную сторону кровати.

– Гарри! – взвизгнула она. – Что ты тут делаешь?

Видимо, во мне играл хмель. Я был на грани того, чтобы обежать – ну, пусть и покачиваясь, вокруг кровати и отлупить свою жену до полусмерти. Но этот вопрос остановил меня, одному Богу известно почему.

– Я ждал тебя! Тебя, изменщица!

– В этой каморке?

– Да, проклятье, в этой каморке. Господи, ты зашла слишком далеко, маленькая похотливая тварь! Да я...

– Как ты мог! – ей-богу, так она и сказала. – Как мог ты быть таким бесчувственным и безрассудным, чтобы шпионить за мной таким способом? Ах! Я никогда не переживала такого испуга. Никогда!

– Испуга? – взревел я. – Это когда тот старый козел тряс своими причиндалами в твоей спальне, а ты вертелась перед ним нагишом? Ты – бесстыжая Иезавель! Падшая женщина! Я застал тебя с поличным! Я покажу тебе, как наставлять мне рога! Где трость? Я выбью всю похоть из этой поганой плоти, я...

– Это неправда! – кричит она. – Это неправда! Ах, как ты мог такое подумать?!

Я оглядывал комнату, ища, чем бы вздуть ее, но при этих словах застыл в изумлении.

– Неправда? Ты что же, проклятая маленькая лгунья, думаешь я не видел? Еще секунда и вы бы превратились в двузадое животное, скачущее по всей спальне! И ты еще смеешь...

– Все не так! – она притопнула ногой, стиснув кулачки. – Ты совершенно заблуждаешься: я не подозревала о его присутствии до того момента, как ты вылез из своего чулана! Видимо, он вошел, когда я раздевалась и... О! – Элспет аж содрогнулась. – Я была застигнута врасплох...

– Вот именно. Твоим мужем! Ты что, меня за дурака держишь? Ты соблазняла этого мерзкого гиппопотама целый месяц; я застаю его в момент, когда он разве что не оседлал тебя, и ты думаешь, я поверю... – Голова у меня гудела с перепою, и я путался в словах. – Проклятье, да ты обесчестила меня! Ты...

– О, Гарри, это неправда! Клянусь! Он, должно быть, прокрался внутрь без моего ведома и...

– Ты врешь! – вскричал я. – Ты распутничала с ним!

– Ах, это не так! Это несправедливо! Как ты можешь так думать? Как можешь говорить такое? – в глазах ее застыли слезы, прямо как настоящие, губы задрожали и скривились, она отвернулась. – Вижу, – прохлюпала она, – ты просто хочешь использовать это как причину для ссоры.

Одному Богу известно, что я сказал в ответ: наверное, что-то про развод. Я не мог поверить своим ушам, когда она продолжила, задыхаясь от рыданий:

– Как подло с твоей стороны говорить так! Ах, ты даже не думаешь о моих чувствах! О, Гарри, как было ужасно обнаружить этого старого злодея здесь, со мной... ужас... ох, я думала, что умру от стыда и страха! А потом... потом ты... – Она разревелась в голос и рухнула на постель.

Я не знал, что говорить и как быть. Ее поведение, то, как она на меня смотрела, эти гневные отрицания – все казалось невероятным. Я не мог поверить ей после того, что видел. Меня переполняли ярость и ненависть, недоверие и горечь, но, будучи пьян, я не мог мыслить трезво. Я пытался вспомнить, что именно услышал в чулане: смех или приглушенный крик? А вдруг она говорит правду? Может ли быть, что Кардиган прокрался к ней, мигом спустил штаны и готовился к атаке, когда Элспет повернулась и заметила его? Или она впустила его, вождельно нашептывая, и уже сбрасывала одежду, когда вмешался я? Тогда, в хмельном угаре, эти мысли не приходили мне в голову – это я размышлял уже позже, на трезвую голову.

Я растерялся, стоя перед ней в полупьяном виде. Смесь ужаса, ярости и волнения, дополняемая желанием жестоко растерзать ее, вдруг испарилась. Имея дело с любой другой из своих женщин, я ничего не стал бы слушать, просто хорошо отходил бы плетью – за исключением Ранавалуны, которая была крупнее и сильнее меня. Но что мне до прочих женщин? Каким бы скотом я ни был, мне очень хотелось верить Элспет.

Знаете, все еще висело на волоске – броситься на нее или нет; и будучи пьян, я вполне мог так поступить. Прошлые подозрения и увиденное сегодня толкали меня на это. Я стоял, пытая и бросая свирепые взоры, но она вдруг уселась на манер андерсеновской русалочки, обратила на меня распухшие от слез глаза и протянула руки: «Ах, Гарри, утешь меня!»

Если бы вы только видели ее! Так легко – кому как не мне это знать – зубоскалить над современными Панталоне, и над обманутыми женами тоже, пока распутники и потаскухи наставляют им рога: «Если бы они только знали, ха-ха!» А они, может быть, знают или догадываются, только не хотят этого принять. Не знаю почему, но я вдруг сел на кровать, обняв плутовку за плечи, а она рыдала и прижималась ко мне, ласково называя меня «йо» – это такое чудное шотландское словечко, о котором она не вспоминала уже много лет, с тех самых пор, как заделалась знатной дамой. И я поверил ей. Почти.

– Ах, неужто ты мог так плохо подумать обо мне, – хлюпнула она. – О, я умру от стыда!

– Ладно, – говорю я, распространяя вокруг запах перегара. – Ну его, а? Господи! Я же сказал «ладно»! – Внезапно я схватил ее за плечи. – Так ты?.. Нет, мой бог! Я видел его, и тебя, и... и...

– Ах, какой ты жестокий! – возопила она. – Жестокий, жестокий!

Потом ее руки обвилились вокруг моей шеи, она поцеловала меня, и я не сомневался, что она лжет. Почти не сомневался.

Она долго еще рыдала и жаловалась, а я, насколько помнится, бормотал что-то, слушая клятвенные уверения в честности, и не знал, как быть. Возможно, Элспет говорит правду; но если она лгунья и шлюха, что тогда? Убить ее? Излупить? Развестись? Первое было безумием, на второе в тот момент я бы не решился, о третьем не стоило и думать. По завещанию этой свиньи Моррисона Элспет контролировала все деньги, а идея жить с клеймом рогоносца да на свое жалованье... Я, может, и дурак, но не настолько. Ее голосок что-то нашептывал мне на ухо, податливая нагота скользила под моими руками, и это чувственное прикосновение напомнило, зачем я изначально сюда пожаловал. «Черт побери, – подумал я, – все по порядку, если сейчас ты не заласкаешь ее до бесчувствия, то будешь жалеть о том на седом закате жизни». И я не сплеховал.

До сих пор не знаю, что к чему – и более того, мне наплевать. Зато в одном я уверен совершенно – если кто был виновен, так это Джеймс Баднелл, граф Кардиган. Внимая поцелуям и стонам Элспет, я поклялся себе, что сведу с ним счеты. Мысль о том, что этот сморщенный старый баклажан пытался овладеть Элспет, сводила меня с ума, заставляя извергать потоки проклятий. Когда-нибудь я убью его. Вызвать его нельзя – он спрячется за законом и откажет. А вдруг, что еще хуже, примет вызов? Помимо того, что я не осмелюсь

выступить против него лицом к лицу, как мужчина с женщиной, не избежать и скандала. Но когда-нибудь, однажды, я найду способ.

Наконец мы стали отходить ко сну; Элспет шептала мне на ухо, какой я великий любовник, сообщая все милые подробности, и что особенно хорош я после ссоры. Она сонно посмеивалась, вспоминая наше последнее приключение, когда я зажал ее в кладовке для метел, и как весело было, и как я говорил, что это лучшее место для безобразий. И тут вдруг она спрашивает, совершенно бодрым голосом:

– Гарри... сегодня... ну, когда ты так разозлился из-за того нелепого случая, твой гнев не был притворным, а? Ты не был... скажи правду... ну, ты точно не был... в том чулане с женщиной?

Черт побери, она, видно, совсем рехнулась? Со времени своего детства не помню, чтобы я плакал засыпая, но в тот момент был очень близок к этому.

III

Пока происходили эти важные события в моей личной жизни – Вилли, Элспет, Кардиган и так далее, вы можете спросить: а как же развивались военные действия? Правда, разумеется, состоит в том, что никак. Самый удивительный факт в истории Великого Конфликта с Россией состоит в том, что никто – по крайней мере, со стороны союзников – понятия не имел, что делать. Вы, может, решите, что это я для красного словца говорю? Ничего подобного. Летом пятьдесят четвертого мне, как немногим, пришлось быть в курсе военных решений, и могу совершенно достоверно сообщить вам, что официальный взгляд на войну формулировался следующим образом: «Ну вот, французы и мы находимся в состоянии войны с Россией во имя защиты Турции. Отлично. И что же нам теперь делать? Наверное, самое лучшее будет напасть на Россию? Хм-м, да. (Пауза). Какая большая страна, не так ли?»

В итоге решили сосредоточить нашу армию и лягушатников в Болгарии, где они могли помочь туркам драться с русскими на Дунае. Но туркам удавалось успешно удирать от русских во все лопатки без чьей-либо помощи, и ни Раглан, находившийся теперь в Варне в качестве главнокомандующего союзными войсками, ни наше штабное начальство у себя дома, не могли сообразить, что же путного сделать дальше. Я питал тайные надежды, не обойдется ли все. Мы с Вилли все еще были в Англии, так как Раглан распорядился, что в целях безопасности его высочества нам с принцем лучше не приезжать на фронт до начала боевых действий – в Болгарии такой нездоровый климат.

Но надежды на мир или изменение настроения в Англии тем летом так и не оправдались. Они словно озверели: пусть их армия и флот идут на врага, пусть бьют барабаны и трубят горны, пусть поют «Правь Британия!» Газеты предрекали московитскому тирану скорую и заслуженную кару, а уличные ораторы разглагольствовали на тему, как британская сталь преодолет любое сопротивление. Они напоминали толпу, собравшуюся посмотреть на кулачный бой, в котором бойцы кривляются и размахивают кулаками, но так и не начинают драку. Толпа хотела крови, чтоб та лилась галлонами, масса хотела читать о картечных залпах, выкашивающих просеки в русских рядах, об отважных и благородных бриттах, насаживающих на пики казаков, о русских городах, объятых пламенем. И эти люди готовы были горестно качать головой, слыша о гибели наших храбрых парней, положивших жизнь на алтарь долга, и поглощая в своей уютной столовой пироги с почками и кексы, приговаривать: «Страшное дело – война, но, клянусь Георгом, Англия не отступит, чего бы это ни стоило. Передай-ка мармелад, Амелия. Должен тебе сказать, я так горд, что родился британцем».²⁵

И что же они получили тем летом? Ничего. Это приводило их в бешенство, они злились на правительство, на армию, друг на друга, страстно желая бойни. И тут вдруг прозвучало это слово, передаваясь из уст в уста и мелькая в каждом газетном заголовке: «Севастополь»! Бог знает почему, но нужное место было найдено. Почему бы не захватить Севастополь, чтобы показать русским что к чему, а? Мне казалось тогда, да и сейчас кажется, что атаку на Севастополь можно сравнить с тем, как если бы противник Британии взял Пензанс²⁶ и заорал бы, обращаясь к Лондону: «Вот, чертовы ублюдки, это послужит вам уроком!» Но

²⁵ Из этого и последующих пассажей становится очевидным, что Флэшмен отчасти находился под впечатлением карикатуры из «Панча», опубликованной вскоре после Балаклавы. На ней был изображен солидный отец английского семейства, потрясавший в патриотическом запале кочергой в своей гостиной, прочитав новости об атаке Легкой бригады. (*Комментарии редактора рукописи*).

²⁶ Пензанс – маленький город на полуострове Корнуолл, одна из самых крайних точек Британии.

поскольку шел разговор, что это крупная база и в «Таймс» только о нем и писали, атака на Севастополь стала темой дня.

Правительство колебалось, русская и английская армии погибали в Болгарии от дизентерии и холеры, публика впадала в истерию, а Вилли и я, собрав чемоданы, ждали команды к отплытию.

Эта команда последовала теплым летним вечером вместе с вызовом в Ричмонд. Все внезапно закипело, и мне пришлось на всех парах нестись к его светлости герцогу Ньюкаслскому за посланиями, которые следовало незамедлительно доставить Раглану.

Помню английский сад, Гладстона, практикующегося в крокете на лужайке, гудение стрекоз над цветами и группу скушающих господ на террасе – члены Кабинета, не более и не менее. Они только что разошлись с совещания, большую часть которого продремали – это не выдумка, кстати, об этом написано в книгах!²⁷ Секретарь Ньюкасла, шустрый паренек с чернильными пятнами на тыльной стороне ладони, вручил мне запечатанный пакет с «секретной» наклейкой.

– «Центавр» стоит в Гринвиче, – говорит он. – Вы должны быть на борту сегодня ночью. Это следует вручить лорду Раглану в собственные руки без промедления. Здесь содержатся самые последние правительственные инструкции и советы – срочнейшие документы.

– Отлично, – говорю. – Что передать на словах? – Секретарь замялся, и я уточнил: – Ведь я из его штаба, как вам известно.

Это было распространенной практикой среди штабных ординарцев тогда и, насколько понимаю, остается такой и теперь – когда дают письменный приказ, ординарец спрашивает, нужно ли что-то передать устно. Как вы убедитесь позже, практика эта может быть роковой.

Секретарь нахмурился, потом, попросив меня подождать, скрылся в доме. Обрато он вышел в сопровождении высокого седого человека, которого в Англии знал каждый. Толпа приветствовала его, смеясь и крича: что за отличный парень этот лорд Палмерстон²⁸.

– Флэшмен, не так ли? – спрашивает он, положив руку мне на плечо. – Мне казалось, вы отбыли вместе с Рагланом.

Я рассказал ему про Вилли, и Палмерстон хмыкнул.

– О, разумеется, наш подрастающий Фридрих Великий. Что ж, можете взять его с собой, раз уж война начинается по-настоящему. Пакет получили? Отлично. Вручив бумаги, можете передать его светлости, – полагаю, Ньюкасл сформулировал все достаточно четко, – что захват Севастополя рассматривается правительством Ее Величества не иначе, как предприятие, призванное стать провозвестником грядущего успеха союзных армий. Э-хм? Но дельце это будет чертовски трудное. Вам ясно?

Я понимающе кивнул, он опять хмыкнул и поглядел на лужайку, где Гладстон пытался загнать мяч в ворота. Удар не получился, и Пам хмыкнул по-новой.

– Тогда в путь, Флэшмен, – говорит он. – Удачи вам. Когда вернетесь, заходите ко мне. Передайте мое почтение его светлости.

²⁷ Правительство собралось в Пемброк-лодж, Ричмонд, вечером 28 июня 1854 года и проголосовало за решение послать лорда Раглана на завоевание Крыма. «Проголосовало» – слишком сильно сказано, поскольку большинство членов Кабинета спали во время заседания и не вполне понимали, за какое решение голосуют: они резко проснулись, когда кто-то застучал по креслу, потом задремали опять. Об этом свидетельствует такой авторитет, как А.В. Кинглейк, великий историк Крымской войны. Кинглейка явно тяготил факт, что министры приняли столь важное решение, находясь в ступоре, и он стал строить догадки о возможности «некоего наркотического вещества, по ошибке попавшего» в их еду. Историк был слишком тактичен или милосерден, чтобы прийти к очевидному заключению, что они просто выпили лишнего. (*Комментарии редактора рукописи*).

²⁸ Генри Джон Темпл, лорд Палмерстон (1784–1865) – видный государственный деятель викторианской эпохи. В 1854 году занимал пост Государственного секретаря.

Когда я откозырял и направился к выходу, Палмерстон важно прошествовал по лужайке, подошел к Гладстону, сказал что-то и взял у него крокетный молоточек. Потом я вышел.

Мы отплыли ночью. Я – после торопливого, но бурного прощания с Элспет, а Вилли – после отчаянного набега на Сент-Джонс Вуд и заключительной скачки на своей блондинке. Я начал ощущать посасывание под ложечкой, хорошо знакомое мне по всем другим отъездам, и болтовня Вилли, с которым мы стояли на палубе, наблюдая, как скрывается во тьме лес мачт и меркнут огни берега, не поднимала настроения.

– На войну! – верещал маленький идиот. – Разве это не здорово, Гарри? Конечно, для тебя это все не ново, зато я окрылен как никогда в жизни! Разве ты, отправляясь на свою первую кампанию, не чувствовал себя рыцарем древних времен, стремящимся завоевать себе имя, покрыть славой свой род или добыть любовь прекрасной дамы?

Со мной такого не было, а если бы и было, то уж не ради шлюхи из Сент-Джонс Вуд. Так что я только хмыкнул, а-ля Пам, и предоставил Вилли щебетать в свое удовольствие.

Плавание получилось как плавание, даже быстрее и приятнее, чем многие, и совершенно не утомительное. У меня нет желания распространяться насчет всех тех вещей, о которых так любят говорить хронисты Крыма: об ужасном состоянии армии в Варне, о пьянстве и распутстве в Скутари, о том, как холера и прочие болезни косили наши ряды тем жарким летом, о бардаке, созданном неопытными снабженцами и полковыми чинами, о бесконечной грызне между командирами – такими, как Кардиган, например. Тот отбыл из Англии в Париж через два дня после происшествия в спальне Элспет, а по прибытии в Болгарию потерял сто лошадей, неосмотрительно далеко выдвинув патруль к позициям русских. Об этих бедствиях, болезнях, ошибках руководства и прочем вы можете прочитать где угодно. Билли Рассел из «Таймс» обрисовал эти события не хуже прочих, хотя с ним надо быть поосторожнее. Он был хорошим парнем, этот Билли, и мы неплохо ладили, но в нем постоянно гнездились желание угодить читателям, и чем хуже оборачивалось то или иное дело, тем лучше для него. Именно он, как вы помните, настроил половину Англии против Раглана, потому как тот запретил отращивать в армии бороды. «Мне нравится, когда англичанин выглядит, как положено англичанину, – говорил Раглан, – а бороды – чужеземный обычай, да и служат рассадником для вшей. А значит, распространение бород является вредным». Насчет вшей с ним не поспоришь, но Расселу было наплевать: он провозгласил позицию командующего «плац-парадной мишурой» и обвинил Раглана в бюрократизме и многих иных грехах. К вашему сведению, у самого Билли Рассела была густая, как изгородь, борода, и мне сдается, приказ Раглана он воспринял как личное оскорбление.

При любом раскладе эти мемуары посвящены не военной истории, а мне, так что, ограничившись самыми важными деталями, я предоставлю войне идти своим чередом, так же, как поступило правительство.

Мы прибыли в Варну; вонь была нестерпимой. На улицах грязь, повсюду носилки с больными, которых доставляли из лагерей в помойные ямы, почему-то называемые госпиталями. Порядка не было и в помине. «Ладно, – думаю. – Нам лучше погостить на борту, пока на досуге не подберем что-нибудь подходящее для размещения». Оставив Вилли, я отправился с докладом к Раглану.

Он, как всегда, был сама доброта и радушие, горячо пожал руку, предложил выпить прохладительного, с полчаса расспрашивал про здоровье и настроение юного принца, и лишь потом обратился к доставленной мною депеше. В кабинете у него было жарко и душно, даже с учетом открытых дверей на веранду и вентилятора, роль которого выполнял ниггер. Раглан весь обливался потом в своей сорочке с длинным рукавом, а я, потягивая за столом свой «свистопуз», принялся разглядывать командующего. Было заметно, как состарился он за пару месяцев. Волосы стали седыми как лунь, черты лица заострились еще сильнее, мышц

не было – одни кости. Это был старик, и выглядел, и разговаривал он соответственно. По мере чтения лицо его делалось все более изможденным. Закончив, он вызвал к себе Джорджа Брауна²⁹ – командира Легкой дивизии и своего закадычного друга. Браун прочитал депешу, и они обменялись взглядами.

– Значит, Севастополь, – говорит Раглан. – Указания правительства кажутся мне совершенно четкими.

– При условии, – заявляет Браун, – что вы совместно с французским командующим найдете этот план обещающим успех. По сути, решение остается за вами и Сент-Арно³⁰.

– Едва ли, – отвечает Раглан, беря листок. – Ньюкасл приложил личную записку, в которой подчеркивает, что министры желают любой ценой получить Севастополь. Вот.

– Что нам известно о Севастополе: о его укреплениях, гарнизоне? Сколько людей могут выставить русские, чтобы помешать нашей высадке в Крыму?

– Да, дорогой мой сэр Джордж, – говорит Раглан. – Нам известно очень немного. У нас нет донесений разведки, но надо думать, что укрепления сильны. С другой стороны, Сент-Арно считает маловероятным, что русские смогут сосредоточить на Крымском полуострове более семидесяти тысяч штыков.

– Почти как у нас, – отмечает Браун.

– Именно, но это только допущение. Может быть, меньше, а может, и больше. Все так расплывчато, – командующий вздохнул и задумчиво разгладил брови ладонью левой руки. – Не могу обещать, что их там не будет сто тысяч. Блокады ведь нет, и ничто не мешает им перебрасывать войска.

– И нам предстоит пересекать Черное море, организовывать высадку, не исключено, при противодействии врага, превосходящего нас четыре к трем, с налету взять Севастополь – а возможно, вести осаду по ходу русской зимы – и все это, полагаясь в качестве источника снабжения единственно на наш флот, тогда как русские могут отправить в Крым любые силы, какие захотят.

– Верно, сэр Джордж. Кроме прочего, из нашего осадного парка прибыла всего лишь четверть. Армия также не вполне здорова, а с французами, как полагаю, дело обстоит еще хуже.

Слушая их, я ощущал, как во мне поднимается волна ужаса: не столько из-за того, что они говорили, столько из-за того – как. Совершенно спокойно, рассудительно, без видимых эмоций они выводили формулу, ответ на которую – это понимал даже я, неопытный штабной офицер – может быть один: катастрофа. Но мне приходилось помалкивать, потягивая пиво, и слушать.

– Мне очень важны ваши наблюдения, дорогой сэр Джордж, – говорит Раглан.

На лице Брауна застыло недоверие. Этот малый был старой шотландской боевой лошадкой, и вовсе не дурак, но он знал Раглана, и знал кое-что о людях, заправляющих войной и политикой. Браун положил депешу на стол.

– Что до севастопольского предприятия, о котором ведут речь министры, – заявляет он, – я спрашиваю себя: как бы посмотрел на все это наш старый Герцог. И подозреваю, он бы его отверг напрочь: нет достаточных сведений о Крыме и русских, а армии наши ослаблены до предела. Веллингтон не взял бы на себя ответственности, затеяв такую кампанию.³¹

²⁹ Джордж Браун (1790–1865) – генерал-лейтенант Легкой пехотной дивизии. Принимал участие в сражениях при Альме и Инкермане, возглавлял экспедицию союзников по захвату Керчи в мае 1855 г.

³⁰ Арман Жак Ашиль Леруа де Сент-Арно (1801–1854) – сын мелкого адвоката, циничный авантюрист, сделавший лихую карьеру при Наполеоне III, пройдя путь от дезертира до маршала Франции. Командовал французскими силами в ходе Крымской экспедиции.

³¹ Рассказ Флэшмена об этом важнейшем совещании между Рагланом и сэром Джорджем Брауном по большей части совпадает с версией самого Брауна, изложенной в книге Кинглейка. Как официальное письмо, так и личная записка Нью-

Можно было видеть, как по лицу Раглана буквально разлилось умиротворение.

– Я в точности того же мнения, что и вы, сэр Джордж, – говорит он. – В таком случае...

– С другой стороны, – продолжает Браун, – из депеши следует, что правительство уже остановило выбор на Севастополе. Они там уже все решили. Если вы откажетесь взять на себя ответственность, как они поступят? Думаю, отзовут вас; да и как иначе: если вы не хотите действовать, они пошлют кого-то, кто захочет.

Лицо Раглана вытянулось, и когда он заговорил, в его выражении мне послышалась обида:

– Дорогой мой сэр Джордж, это очень резко сказано. Вы и вправду так думаете?

– Да, сэр. Считаю, что развитие событий достигло грани, за которой они будут действовать несмотря ни на что, – Браун дышал тяжело, как я подметил. – И мне кажется, для них нет никакой разницы – то место или другое.

Раглан вздохнул.

– Возможно, что и так, возможно. Севастополь. Севастополь. Но почему? Почему он, а не Дунай или Кавказ? – Командующий огляделся вокруг, словно ожидал найти ответ на стенах, и заметил меня. – Ах, полковник Флэшмен, может быть, вы несколько просветите нас? Не известен ли вам какой-нибудь внутренний фактор, заставивший правительство решиться на столь своеобразную авантюру?

Я выложил им все: о том, что газеты кричат про Севастополь на каждом углу, и что это название уже у всех на устах.

– Они хоть представляют, где он находится? – спрашивает Браун.

Я и сам не был уверен где это, но сказал, что знают, наверное. Раглан прикусил губу и посмотрел на депешу таким взором, будто надеялся, что она вот-вот исчезнет.

– Вы встретились с кем-нибудь, получая эту депешу: с Ньюкасом или Аргайлом, допустим?

– С лордом Палмерстоном, сэр. Он отметил, что правительство твердо убеждено: оккупация Севастополя – отличная штука, но дело это чертовски серьезное. Это его слова, сэр.

Браун разочарованно хрюкнул, а Раглан рассмеялся.

– Полагаю, мы можем с ним согласиться. Ладно, прежде чем принять окончательное решение, нам следует выяснить, что думают наши галльские союзники.

Сказано – сделано. Весь день они трепались с лягушатниками, во главе которых выступал Сент-Арно, маленький фигляр из Иностранного легиона с наглыми усиками продавца мороженого, одно время подьедавшийся на театральных подмостках. У него был жалостный вид умирающего человека – и недаром³², – присутствовавший с ним генерал Канробер³³, с длинными патлами и причудливо закрученными усами, тоже был не из тех, кто внушает уверенность. Не то чтобы они оказались хуже нашей собственной команды: осла Кембриджа³⁴, фыркающего Эванса³⁵, бормочущего под нос старика Ингланда³⁶ и самого Раглана, сидящего

касла содержали настоятельные требования осады Севастополя, в то же время оставляя окончательные решения за Рагланом и его французским коллегой. (*Комментарии редактора рукописи*).

³² Будучи серьезно больным, 25 сентября 1854 года Сент-Арно передал свой пост генералу Канроберу и спустя четыре дня умер во время осады Севастополя.

³³ Франсуа Сертэн Канробер (1809–1895) – французский генерал, командир дивизии. В сентябре 1854 г. сменил Сент-Арно на посту командующего французскими войсками. В мае 1855 г. сдал командование генералу Пелиссье, но остался в Крыму до конца войны. Пелиссье, говорил о нем: «Хотя зовут его Сертэн (то есть верный), но на него буквально ни в чем нельзя положиться!»

³⁴ Джордж Фредерик Чарльз, герцог Кембридж (1819–1904) – двоюродный брат королевы Виктории, генерал-лейтенант, командир Первой пехотной дивизии.

³⁵ Сэр Джордж де Ласи Эванс (1787–1870) – генерал-майор, командир Второй пехотной дивизии.

³⁶ Сэр Ричард Инглэнд (1793–1883) – генерал-майор, командир Третьей пехотной дивизии.

во главе стола с видом викария, раздающего гостинцы и выражающего вежливое внимание и благодарность за любое мнение, вне зависимости от разумности последнего.

А во мнениях недостатка не наблюдалось. Раглан полагал успех возможным – при удаче. Браун непоколебимо стоял против, зато французы первоначально высказались за. Сент-Арно бил себя в грудь и клялся, что мы еще до Рождества будем в Севастополе. Наши флотские возражали, и Раглан стал выходить из себя; потом засомневались лягушатники, и начался хаос. Потом состоялось другое совещание, на котором я не присутствовал. Согласно слухам лягушатники снова поддержали Раглана, вместе они перевесили Брауна и флотских, а стало быть, нас ждала дорога в Крым.

– Осмелюсь заметить, морской воздух пойдет на пользу и послужит всеобщему поднятию духа, – провозгласил Раглан.

Богом клянусь, если чей-то он и поднял, то только не мой. Я много размышлял с тех пор – в моих ли силах было что-нибудь сделать тогда? Думаю, да. Только что? Будь на моем месте Отто Бисмарк, он, полагая, сумел бы их отговорить, даже будучи младшим по званию, найдя сильные аргументы. Но я никогда не любил без крайней нужды лезть на рожон, особенно по части больших дел – слишком это рискованно. Впрочем, знай я, что ждет нас впереди, прокрался бы темной ночью в палатку Раглана и вышиб старому дурню мозги. Но откуда мне было знать?

Так что следующий месяц прошел в суете и неразберихе, все готовились к великому вторжению. Мы с Вилли устроились в домике за городом и со всеми нашими припасами и снаряжением чувствовали себя весьма недурно, но, состоя при штабе, лишены были возможности толком увиливать от службы, хотя Раглан старался не обременять принца, то и дело напоминая ему о необходимости практиковаться в верховой езде и стрельбе, но в меру. Что до остального, то до последнего стоял вопрос: сумеет ли армия, дезорганизованная и охваченная эпидемией, вообще погрузиться на транспортные корабли. Но вам уже известно, что в конце концов это произошло. Я бы мог в подробностях описать это все как-нибудь в другой раз, рассказав про жуткую кутерьму с посадкой на суда, вынужденные день за днем болтаться на якоре и полные блюющих солдат, про рыдающих женщин, которых приказали оставить в Болгарии (правда, моя маленькая подружка Фан Дюберли сумела проскользнуть на борт, переодевшись прачкой³⁷), про лошадей, крушащих временные стойла, про жуткий смрад, про тела умерших от холеры, плавающие по бухте, про стоящего на причале с блокнотом в руках Билли Рассела, заклиняющего лорда Лукана: «У меня тоже есть долг, милорд, и заключается он в том, что я обязан информировать своих читателей, и если вы не хотите, чтобы о ваших поступках сообщали, так и не совершайте их! Таков мой вам совет!» Конечно, этот Билли был ирландцем и чокнутым, но и Лукан был таким же, так что они стояли и поливали друг друга, как два миссисипских лоцмана.

Я не зевал, застолбив местечко на «Карадоке», флагманском корабле Раглана, и неплохо устроился вместе с Вилли и Лью Ноланом, ординарцем Эйри, нового начальника штаба. Этот Нолан был еще один ирландец, с примесью испанской или какой-то такой крови, помешавшийся на кавалерии и презиравший представителей всех остальных родов войск, о чем не стеснялся им сообщать, даже если был намного младше по званию. Обратите внимание: со мной он не задирал нос, ибо я превосходил его как наездник, и ему это было известно. Мы трое разместились в каюте, в то время как генерал-майоры и прочие вынуждены были довольствоваться гамаками – можете не сомневаться, я злоупотреблял происхождением Вилли на полную катушку. Вот так мы и отправились – хей-хо! – в наш оздоро-

³⁷ Миссис Дюберли, жена офицера Восьмого гусарского и старая знакомая Флэшмена (см. «Флэш без козырей»), оставила очень живые воспоминания о пребывании в Крыму, включая упомянутый здесь эпизод, когда она проникла на транспорт, «одетая в старую шляпу и шаль», дабы не быть узнанной лордом Луканом (см. книгу Э.Э.П. Тисделл «Кампании миссис Дюберли»). (Комментарии редактора рукописи).

вительный круиз по Черному морю: могучий флот, везущий шестьдесят тысяч солдат, из которых половина была при смерти от болезней – англичане, лягушатники, турки да горстка башибузуков. Тяжелых пушек у нас хватало только для организации пары салютов, а на клетке с курами сидел старый генерал Скарлетт и, заложив книгу пальцем и прикрыв водянистые глаза, разучивал команды для управления кавалерийской бригадой: «Шагом, маршем, рысью. Черт, а дальше-то что?»

Было еще одно – никто не знал, куда мы плывем. Пока мы рассекали воды Черного моря, Раглан с лягушатниками решали, где же нам пристать, гоня флот вдоль русского побережья в поисках подходящего места. Наконец таковое нашлось, и Раглан с улыбкой говорил, глядя на него, какой это замечательный пляж.

– Слышите аромат лаванды? – говорит он. – Ах, принц Уильям, вы можете решить, что опять оказались в Кью-Гарденс³⁸.

Что ж, возможно, поначалу так и пахло, но после того как мы провели там пять дней, выгружаясь на берег, перемазавшись под проливным дождем, когда на пляже выросли кучи из припасов, оружия и снаряжения, когда море сделалось грязным от испражнений шестидесяти тысяч человек – можете себе представить, какие там стояли ароматы. Состояние здоровья армии, может, и улучшилось, но ненамного, и когда мы приготовились выступать, я, глядя на едва бредущую пехоту и изможденных лошадей кавалерии, думал, как далеко мы сможем продвинуться, имея лишь скудный запас солонины и сухарей, без палаток, подвод, зато накрытые тенью невидимого дракона – холеры, неотступно следующего за нами по пятам?

Знаете, издалека мы смотрелись внушительно. Когда вся армия построилась, эта поблескивающая аммуницией орда растянулась на добрых четыре или пять миль: от зуавов в своих красных фесках и синих мундирах на пляже до киверов Сорок четвертого, располжившихся где-то на горизонте, на равнине. Вид последних будил во мне недобрые предчувствия, ведь в последний раз я видел их стоящими спина к спине на окровавленном снегу Гандамака, в кольце смертоносных клинков газа, с Сутером, обернувшим знамя полка вокруг талии. Я никогда не видел вблизи этот Сорок четвертый, но воспоминание об умирающей среди льдов афганской армии заставило меня вздрогнуть.

Мне была оказана честь, если так выразиться, объявить о начале марша. Раглан отправил нас с Вилли сначала в арьергард, а затем в авангард строя с приказом выступать. На самом деле второе распоряжение я перепоручил одному Вилли, ибо авангардом командовал не кто иной, как Кардиган, а у меня сил не было смотреть на эту свинью. Мы скакали вдоль строя, и живописные картины до сих пор стоят у меня перед глазами: французские марки-танточки, перекидывающиеся шуточками, сидя на передках орудий, строгие алые шеренги гвардии, бородатые лица французов, выглядывающие из под кепи, Боске³⁹, свесивший пузо со слишком мелкой для его туши лошади, напевный говор гайлендеров⁴⁰ в темно-зеленых пледах, мрачные мундиры Легкой дивизии. Раскрасневшиеся от жары физиономии бывших деревенских парней, запах пота, масла и саржи, скрип седел и позвякивание удил, блеск копий – это позиции Семнадцатого.

– Наш полк, Гарри! Как великолепно он выглядит! Какие brave парни! – кричит Вилли.

Билли Рассел свешивается со своего мула и окрикивает меня:

– Эй, Флэш! Выступаем мы наконец?

³⁸ Кью-Гарденс – знаменитый ботанический сад в Лондоне.

³⁹ Пьер Франсуа Жозеф Боске (1810–1861) – генерал, командир французской дивизии.

⁴⁰ Гайлендеры (хайлендеры) – шотландские горцы, здесь имеются в виду сформированные из них воинские части английской армии.

Я поворачиваю к нему, а Вилли галопом мчится вперед, где вишневые с синим линии обозначают Одиннадцатый полк – авангард армии.

– Раньше мне никогда не приходилось наблюдать наших друзей так близко, – говорит Билли. – Глянь-ка туда. – Повернувшись туда, куда указывал его палец, я заметил на гребне холма, за нашим левым флангом, как раз напротив солнца, фигурки всадников. С расстояния они казались пигмеями, вооруженными ветками вместо пик.

– Казаки, – поясняет Билли.

Нам, конечно, приходилось видеть их раньше, наблюдающими за нашей высадкой. «Да, видать, вы не гази, ребята, – подумалось мне тогда, – не то спихнули бы всю нашу армию обратно в море еще до того, как она толком не выбралась на берег». Когда горны пропели марш и вся великая армия под оркестр, наярывающий «Гэриоуэн»⁴¹, от громких звуков которого кони Семнадцатого зафыркали и забили копытом, двинулась вперед под испепеляющим солнцем, я заметил, к своему ужасу, что Вилли, передав приказ, едет вовсе не ко мне, а быстрым галопом направляется к левому флангу.

Я тут же прищепил коня, пытаюсь догнать его, но он был легок и на быстрой лошади, так что мне удалось поравняться с ним уже в добрых трехстах ярдах за левым флангом. Принц продолжал скакать, не сводя глаз с той гряды – она выглядела уже не столь далекой. Я заорал на него, он повернулся и вытянул руку:

– Гарри, смотри – противник!

– Маленький тупица, ты куда собрался?! – ору я. – Головы лишиться хочешь?

– Они же далеко, – говорит он, смеясь.

Далеко-то далеко, но не настолько, чтобы не различить бело-голубые ленты на пиках и лохматые меховые шапки. Казаки неподвижно смотрели на нас в ответ, и, вопреки жаре, я ощутил, как холодный пот струится у меня по спине. Вот они, знаменитые дикари Тартарии⁴². Смотрят, ждут, и одному Богу известно, сколько их там – может, целая орда поджидает, когда наша бравая маленькая армия оторвется от берега этого гостеприимного моря. Я схватил лошадь Вилли под уздцы.

– Поедем отсюда, парень, – говорю. – И никогда больше не делай так без моего разрешения, понял?

– Но это же совсем безопасно. Никто из них не движется, и похоже, не собирается даже. Какая скука! Ах, вот будь сейчас Средневековье, кто-нибудь из казаков спустился бы с горы и вызвал нас, и мы бы сразились на глазах у всей армии!

Вот так он и сидел в седле, сверкая глазами, то и дело хватаясь за эфес сабли с мечтой о битве! Хорошенькая перспектива для меня, не правда ли? Прежде чем я успел осадить его, из-за гребня донесся грохот орудийных выстрелов и засвистели ядра; небольшой отряд гусар в вишневых лосинах помчался с саблями наголо к холму. Слышались крики, приказания, и по направлению к нам с грохотом ринулось подразделение конной артиллерии. Пока артиллеристы снимали орудия с передков и разворачивали пушки, готовясь открыть ответный огонь, я скомандовал Вилли возвращаться обратно к армии.

Он хотел остаться, но я отмел возражения.

– Кавалеристы гибнут иногда, – говорю, – но не сидя вот так да пялясь с открытым ртом, словно в потайную щелочку в борделе. – Сказать по правде, звук этих проклятых орудий заставил мои кишки заворочаться, как в старые добрые времена. – Давай-ка в галоп!

⁴¹ «Гэриоуэн» – старинная ирландская песня, ставшая в годы Наполеоновских войн боевым кавалерийским маршем британской армии.

⁴² Тартария – архаическое название так называемой Великой степи – обширных территорий в северной части Азии, включенных позднее в состав России. Флэшмен обобщает под именем «дикарей Тартарии» все степные народы Российской империи.

– Ну ладно, – говорит он. – Но тебе не стоит так нянчиться со мной: я же вовсе не замышлял ничего такого. – Видя мою реакцию, Вилли раздражается взрывом хохота. – Ей-богу, каким же ты стал осмотрительным, Гарри – скоро превратишься в доктора Винтера!

Хотел бы я в эту минуту оказаться там, где находится доктор Винтер, чем бы ни занимался этот старый сукин сын. Эти слова приходили мне на ум завтра и послезавтра, и в другие дни, пока армия медленно ползла вдоль побережья, задыхаясь от жары днем и зябко подтягиваясь к кострам ночью, и вот наконец мы достигли пологого склона, спускающегося к реке с красными, изрезанными промоинами и оврагами берегами. Всего лишь обычная русская речка, только название ее вы сейчас можете найти на любом приходском кладбище в Англии, на старинных каменных плитах соборов, на памятных металлических значках или табличках у заводов: Альма.

Осмелюсь предположить, вам приходилось видеть роскошные картины маслом: идеально ровные линии гвардейцев и гайлендеров в развернутом строю идут к русским батареям на холме; тут и там, рядом со своим кивером, валяется какой-нибудь малый с задумчивым взглядом; вдалеке расплываются серебристые облачка порохового дыма, знамена впереди, парни в треуголках размахивают шпагами. Не стану утверждать: может, кто-то и запомнил сражение при Альме именно таким, но только не Флэши. А мне пришлось побывать в самой его гуще, кстати, поскольку некоторым командирам не хватило ума сообразить, что долг генерала – оставаться в тылу, управляя вверенными ему частями.

С самого начала это обернулось жутким сумасшествием, и жуткой бойней к тому же. Возможно, вам известно, что русские – силами в сорок тысяч – засели за оврагами к югу от Альмы, расположив артиллерийские позиции на обращенном к реке склоне, а наши парни, имея лягушатников на правом фланге, должны были переправиться через реку и подняться на склон в надежде выбить москвитов оттуда. Знай Меньшиков свое дело или не хвати нашим войскам слепой отваги, вся наша армия полегла бы там тогда. Но поскольку русачи дрались так же плохо и тупо, как почти всегда это делают, да еще по чистому везению со стороны Раглана и дурацкой храбрости наших ребят, дело повернулось совсем по-другому.

Подробные отчеты об этом побоище вы можете найти в любом труде по военной истории, если захотите, но можете поверить мне на слово, что эту битву для удобства лучше разделить на четыре этапа. Первый: Флэши наблюдает за артиллерийской подготовкой со своего поста в штабе Раглана, утешая себя мыслью, что между ним и противником находится двадцать тысяч других парней. Второй: Флэши занимается тем, что в течение некоторого времени (показавшегося ему вечностью) скачет во весь дух вдоль строя французских батальонов на правом фланге, держась от пуль сколь возможно дальше, и выясняет, по поручению лорда Раглана, какого черта лягушатники до сих пор не выбили русских с их позиций у самого морского берега? Третий: Флэши вовлечен в бой вместе с лордом Рагланом. Четвертый: Флэши пожинает плоды союзнической победы, оказавшиеся довольно горькими.

Как вы понимаете, предполагалось, что лягушатники опрокинут русский фланг, а потом наши ребята переправятся через реку и покончат с делом. Так что час за часом мы стояли, изнывая от жары, и наблюдали, как русские батареи выплевывают облака дыма и косят наши ряды в центре и слева. А лягушатники не спешили выполнять обещанного, поэтому мы с Ноланом носились, словно воланчики, то к Сент-Арно, то обратно; французишка был бледен как смерть и яростно лепетал что-то, пока его худосочные синемундирники карабкались на гряды и с потерями откатывались назад, а пороховая гарь стелилась над рекой седыми завитками.

– Передайте милор, это занять немного больше времени, – твердил он, и мы галопом мчались к Раглану.

– Такими темпами нам никогда не побить французов, – отвечал «милор», а когда ему напоминали, что в этот раз наши враги – русские, а не французы, он торопливо поправ-

лялся, оглядываясь, нет ли поблизости ординарцев союзника. В конце концов, видя, как наши недвижимые колонны редуют под огнем русских в напрасном ожидании атаки, командующий отдал приказ, и длинные красные шеренги начали спускаться по склону к реке.

Вдоль берегов плыло черное облако дыма от горящей деревушки, расположенной впереди чуть правее от нас, стремясь навстречу белым клубам, вылетающим из жерл русских орудий. Массивные линии пехоты исчезли в этой мгле, и сквозь разрывы в ней мы могли видеть, как солдаты бросились в реку, держа оружие над головой. Из-за обрывов раскатывались залпы русских пушек: «трах-бабах», «трах-бабах», а из вражеских окопов стали подниматься крошечные, похожие на вспышки хлопнушек, белесые облачка ружейных выстрелов. Потом пришедшие в беспорядок линии нашей пехоты вынырнули из-за полосы дыма, бросившись на штурм подножья обрывов. Мы видели, как ядра вспарывают почву, как наши пушки грохочут в ответ, поднимая фонтаны земли вокруг русских батарей. Стоявший рядом Вилли весь искрутился в седле, вопя от возбуждения. Маленький идиот – все равно его никто не слышал в этом оглушающем реве.

Раглан заметил мальчишку, улыбнулся и подозвал меня. Ему приходилось кричать:

– Не спускайте с него глаз, Флэшмен! Мы немедленно отправляемся за реку.

Худшей новости мне не приходилось слышать за эти несколько недель. Наша атака начала захлебываться: русские усилили огонь, и повсюду у подножья наши люди падали как подкошенные, земля была густо усеяна телами – группами, где их настигло ядро, или одиночными, павшими от ружейных пуль.

Тут появляется Нолан, на скаку осадив лошадь, весь излучая рвение и отвагу – чтоб ему лопнуть – и передает донесение от лягушатников. Я вижу, как Раглан кивает, и трогает по направлению к реке. Мы покорно плетемся за ним. Вилли выхватил саблю – бог знает зачем, ибо опасаться нам приходилось только русских ядер, что само по себе было весьма страшно. Мы ввели коней в реку, причем я старался держаться вместе с Вилли в конце кавалькады, и мне бросилось в глаза, как Эйри отшвырнул свою шляпу с плюмажем, едва зашел в воду. Течение несло тела, перемазанные илом, вокруг плыл дым, от которого люди кашляли, а лошади ржали и подавали назад – мне пришлось крепко ухватить жеребца Вилли под уздцы, чтобы он не ринулся обратно. Слева от нас на берегу группировались солдаты Второй дивизии, ожидая приказа идти дальше, они перхали от дыма, а ядра и пули свистели и визжали вокруг самым отвратительным образом. По привычке, я опустил голову пониже, твердя пламенную молитву, и тут заметил, как один из ординарцев, ехавший прямо передо мной, вывалился из седла. Из рукава у него хлынула кровь. Он покачнулся, ухватился за мое стремя и закричал:

– Со мной все в порядке, милорд, уверяю вас!

Затем он обмяк, и кто-то подбежал к нему, чтобы взглянуть на рану. Раглан остановился, невозмутимый, как у себя в гостиной, подозвал двух ординарцев и отправил их разыскать Эванса и Брауна, чьи дивизии пришли в полный беспорядок, разбившись о подножье обрыва. Потом он говорит: «Идемте, джентльмены. Нам нужно найти удобное место», – и скачет к оврагу, врезающемуся прямо напротив нас в береговой обрыв. По счастью, он оказался не занят – русские расположились наверху, по обе его стороны, а дым, висевший над нашими головами, был таким густым, что в двадцати ярдах нельзя было ничего различить. Чертовски отличная позиция для генерала, скажете вы, и Раглан, надо полагать, думал так же, ибо, прищипорив коня, устремился к ней. Мы потянулись следом, скользя по глине и скудным клочкам травы и пробиваясь сквозь зловонную гарь, пока вдруг не оказались на маленьком возвышении у подножья обрыва.

Никогда не забуду этого зрелища. Впереди и слева вздымался холм – голая крутая поверхность высотой футов в пятьсот. Позиции русских были как на ладони: из окопов выплывали клубни ружейных выстрелов, за ними маячили бородатые лица. Строго слева

располагался большой редут, набитый вражеской артиллерией и пехотой; выше и удаленнее – другие батареи. Земля перед редутом была густо усеяна телами наших солдат, но те невзирая на град огня упрямо ползли вверх от реки. И далее, по всей длине возвышенности, наши продолжали атаковать: нестройная масса красных курток и белых перекрестных ремней прокладывала себе путь – падая, разбредаясь, снова собираясь и идя дальше. На протяжении мили, насколько можно было судить, англичане карабкались на этот проклятый склон, усыпая его мертвыми телами и прокладывая путь к позициям врага.

«Лучше быть здесь, чем там», – думаю я и тут вдруг осознаю, что мы находимся на самом виду, без малейшего укрытия, а русская инфантерия расположилась всего в сотне ярдов от нас. Мы совсем оторвались от нашей пехоты, благодаря этому идиоту Раглану, – вот он сидит в своем синем мундире, фалды которого хлопают на ветру, в украшенной плюмажем шляпе, спокойный, будто в театр пришел. Поднося единственной рукой к глазу подозрительную трубу, генерал бросил поводья, управляя лошастью одними коленями. Над нами свистело столько пуль, что трудно было понять, стреляют они в нас прицельно или нет.

И тут на самой вершине, за батареями, мы замечаем русскую пехоту, спускающуюся по склону – огромная темная масса, плотная, как сардины в банке, шеренга за шеренгой медленно и неумолимо двигалась к батареям, явно намереваясь обрушиться на нашу пехоту внизу. Строй выглядел неудержимым, и Раглан, глядя на него, присвистнул сквозь зубы.

– Святой Георг, тут не промахнешься! – восклицает он и, обернувшись, перехватывает мой взгляд. – Флэшмен, гони живее! Пушки!

Как понимаете, мне не требовалось повторять дважды.

– Оставайся здесь! – бросаю я Вилли, и вот мой скакун уже мчится вниз по склону, как ошпаренный. На берегу обнаружили готовые к переправе оружейные расчеты, и я крикнул им, чтобы поторопились к хребту. Лошадей безжалостно нахлестывали, заставляя выбираться на скользкий берег, пушки опасно раскачивались на станках. Один из наших ординарцев прибыл с поручением указать им позиции, артиллеристы стали огибать главные силы. Когда я вернулся назад – не слишком поспешая – первые залпы уже обрушились на фланг русской колонны.

Хаос правил бал на всем протяжении берегового обрыва, на нашем же холмике царил настоящий ад. Через него шла пехота: мокрые от пота, красные, покрытые копотью лица; примкнув штыки, солдаты спешили наверх, к русским позициям. Они орали и визжали как сумасшедшие, не обращая внимания на кровавые бреши, проделываемые в их массе русским огнем. Я видел, как двоих разнесло в ошметки, когда рядом с ними взорвалась граната, другой пехотинец кричал, лежа с оторванной по бедру ногой. Я посмотрел на Раглана – тот вместе с парой ординарцев готовился спуститься с холма; посмотрел на Вилли – он был на месте, без шляпы, крича, как чокнутый, наступающим пехотинцам.

И тут, бог мой, он выхватывает саблю и направляется вместе с пехотой на склон, к ближайшей батарее. Его конь споткнулся, но оправился, а он замахал клинком и завопил: «Ура!»

– Вернись, немецкий придурок! – закричал я, и Раглан, должно быть, услышал, так как натянул поводья и обернулся.

Даже среди криков, пальбы и канонады, занятый судьбой всей битвы, этот, обычно глуховатый, старик уловил мои слова. Посмотрев на меня, на Вилли, скачущего наверх среди инфантерии, генерал заорал:

– Флэшмен, за ним!

Возможно, будь этот приказ адресован любому другому офицеру, он был бы немедленно принят к исполнению. На глазах начальства, и все такое. Но мне стоило глянуть на тот прочесываемый свинцом склон, густо усеянный телами, и на этого идиота, мчащегося среди пуль и крови, чтобы решить для себя: «Ей-богу, пусть делает, что хочет, только без

меня». Я не двигался, и Раглан рывкнул рассерженно еще раз, я же развернул скакуна к нему и, поднеся руку к уху, переспросил: «Что, милорд?» Он снова закричал, тыча указательным пальцем, и тут благословенный снаряд врезался в землю промеж нас, и пока оседал взметнувшийся фонтан грязи, я воспользовался моментом и проворно выкатился из седла.

Я с трудом вскарабкался назад, словно контуженный, а он, чтоб ему провалиться, был все еще тут и выглядел очень обеспокоенным.

– Флэшмен, принц! – орал Раглан, пока один из ординарцев не ухватил его за рукав, показывая направо, и они уехали, оставив меня полулежащим на гриве лошади, а Вилли в сотне ярдов впереди, в гуще атакующей пехоты, напротив бруствера батареи. Раздался залп, Вилли покачнулся в седле, выронил саблю и повалился назад, выпустив из рук поводья, падая прямо под ноги инфантерии. Я видел, как он прокатился пару ярдов и замер, а пехотинцы перешагивали через него.

«Господи, – пронеслась у меня мысль, – с ним все кончено».

Когда наши парни ворвались на батарею и стрельба стала стихать, я стал осторожно пробираться вперед, лавируя между ужасными кучами убитых, умирающих и раненых; в ноздри бил запах крови и пороха, а жуткий хор из криков и стонов звенел в ушах. Я упал на одно колено перед крошечной фигуркой – единственной, одетой в синее среди алого моря. Он лежал лицом вниз. Я перевернул его, и меня вырвало. У него осталась только половина лица: один глаз, одна бровь, щека – другая сторона превратилась в бурое месиво из крови и мозгов.

Не знаю, сколько я стоял, скорчившись, глядя на него окаменевшим взором. Надо мной бесновался стреляющий и вопящий ад: битва перевалила за гребень, и мне было страшно. Даже за пожизненный пенсион я не согласился бы снова попасть в него, но, заставляя себя поглядеть на то, что осталось от Вилли, я вслух причитал: «Господи, что скажет Раглан? Я потерял Вилли: боже мой, что они скажут?» И я начал ругаться и оплакивать – не Вилли, а свои глупость и невезение, приведшие меня на эту бойню и убившие этого безмозглого юнца, этого мечтательного князька, вообразившего войну развлечением, жизнь которого была поручена моему попечению. Боже милостивый, его гибель поставит крест на мне! Так я рыдал и проклинал все, склоняясь над его телом.

– Из всех ужасных картин, увиденных мной сегодня, ни одна так не ранила мое сердце, как эта, – говорил Эйри Раглану, когда описывал, как нашел меня над телом Вилли у берега Альмы. – Бедняга Флэшмен! Не сомневаюсь: сердце его разбито. Видеть этого храбрейшего бойца из числа ваших штабных, офицера, чья отвага вошла в пословицу, рыдающим словно дитя над телом павшего товарища – жуткое зрелище. Знаю: он сто раз отдал бы собственную жизнь, лишь бы спасти этого ребенка.

Я слушал, находясь с наружной стороны палатки, погруженный, как вы понимаете, в беспросветную печаль. «Отлично, – думаю, – все не так уж плохо: оказывается, распущенные из-за страха и отчаяния нюни могут сойти за благородные слезы храбреца. Раглану не в чем обвинить меня: не я же пристрелил юного идиота, и как мне было удержать одного от желания пожертвовать жизнью? В конце концов, Раглан одержал победу, способную его утешить, и гибель даже коронованного ординарца вряд ли способна омрачить ее». Вы так думаете? Так вы ошиблись.

Когда я наконец предстал перед ним – весь в пыли, истерзанный ужасом, и изо всех сил стараясь выразить раскаяние, что было несложно, – он был вне себя от горя.

– Ну, – говорит он, и голос его был мрачным, как зауспокойный звон, – что вы скажете Ее Величеству?

– Милорд, – начинаю я, – мне так жаль, но нет моей вины...

Он вскидывает единственную руку.

– Разговор не о вине, Флэшмен. На вас был возложен священный долг. Вам было поручено – непосредственно вашим повелителем – заботиться о сохранении этой бесценной жизни. И вы, к несчастью, не справились. Я снова задаю вопрос: что скажете вы королеве?

Только такой беспробудный дурак, как Раглан, мог задать подобный вопрос, но мне оставалось только выкручиваться как смогу.

– Что мог я сделать, милорд? Вы послали меня за пушками, и ...

– И вы вернулись. После чего первой вашей мыслью должно было стать исполнение вашего священного поручения. И что же вы скажете, сэр? Я сам посреди битвы успел напомнить вам, где вам указывает быть честь. Но вы заколебались, я видел, и...

– Милорд! – кричу я возмущенно. – Это несправедливо. Я не вполне понял в этом шуме, что значит ваш приказ, я...

– Неужели вам необходимо понимать? – говорит он с дрожью в голосе. – Я не ставлю под сомнение вашу храбрость, Флэшмен, она бесспорна, – (только не для меня, думаю я про себя). – Но мне не остается иного выбора, как обвинить вас, хоть это и тяготит меня, – в небрежении тем, что ... на что инстинкт обязан был указать как на ваш первейший долг – не передо мной, не перед армией даже, а перед тем бедным мальчиком, чье обезображенное тело лежит сейчас в лазарете. Душа его, можете мне поверить, покоится с миром.

Он подошел ко мне, и в глазах у него стояли слезы. Сентиментальный старый лицемер.

– Догадываюсь о вашей скорби: она тронула не только Эйри, но и меня самого. И я охотно верю, что вы тоже хотели бы сыскать себе почетную могилу на поле брани, как и Вильгельм Целльский. Возможно, лучше бы так и случилось.

Он вздохнул, размышляя об этом и, без сомнения, для него было бы гораздо удобнее сказать королеве при встрече: «Ах, кстати, Флэши сыграл в ящик, зато ваш драгоценный Вилли жив и здоров». Но, каким бы испуганным и жалким я ни был, с таким вариантом смириться не мог.

Некоторое время Раглан продолжал распинаться про долг, честь и мою оплошность, и про то, как ужасно запятнал я свой послужной список. При этом, обратите внимание, жирное пятно на своей карьере в виде тысяч солдат, положенных на Альме, этот бесталанный шут замечать не хотел.

– Боюсь, вам до конца жизни предстоит носить это клеймо, – заявляет он с мрачным удовлетворением. – Как это будет воспринято на родине? Не могу сказать. В данный момент мы должны думать о нашем долге в связи с предстоящей кампанией. Там, быть может, сумеем мы найти утешение, (насколько я мог судить, старикашка все еще думал о Флэши, мечтающем найти себе могилу). Мне жаль вас, Флэшмен, и может быть, из-за этой жалости я не пошлю вас домой. Вы останетесь при моем штабе, и я верю, что дальнейшее ваше поведение сделает возможным воспринимать этот промах – как бы ни были ужасны следствия оного – просто как ужасную ошибку, случайную халатность, которая никогда – ни при каких обстоятельствах – не повторится. Но пока я не в силах принять вас назад в то братство по духу, в котором пребывают члены моего штаба.

Ну, это-то я перенесу. Он оглядел свой захламленный стол и выудил несколько предметов.

– Вот несколько вещественных напоминаний о вашем... вашем погибшем товарище. Возьмите их и храните как ужасное напоминание о неисполненном долге, о неоправданном доверии, о чести – нет, я не буду говорить об уроне чести человеку, чья храбрость не вызывает ни тени сомнения.

Он посмотрел на вещи, среди них был медальон, который Вилли носил на шее. Раглан открыл его и всхлипнул. Потом с торжественным видом передал мне.

– Посмотрите на это милое, чистое личико, – возопил он, – и ощутите муки совести, которые вы заслужили. Это ранит вас больше всех произнесенных мной слов: лицо возлюб-

ленной этого мальчика, такое непорочное, чистое и невинное. Подумайте об этом несчастном создании, которому вскоре, благодаря вашему небрежению, предстоит до дна испытать горькую чашу печали.

Взглянув на медальон, я в этом усомнился. Когда я в последний раз видел это непорочное и невинное создание, на нем из одежды были только черные атласные башмачки. В целом свете только Вилли мог додуматься до идеи таскать на шее изображение шлюхи из Сент-Джонс Вуд. Он по ней буквально с ума сходил, маленький развратник. Приходится признать: исполни я свой долг, он до сих пор развлекался бы с ней каждую ночь, а не лежал бы на носилках с половиной черепа. Однако я не мог решить: станут ли причитающий Раглан и прочие благочестивые ханжи, родственники принца, так желать возвращения его к жизни, знай они всю правду? Бедный малыш Вилли.

IV

Что ж, возможно, я оказался в опале, зато пребывал в добром здравии, а только это имело значение. Ведь мог бы стать одним из трех тысяч трупов или тех раненых, чьи стоны доносились в сумерках с той ужасной линии обрыва. Медицинской службы, похоже, не было совсем – по-крайней мере, у британцев – и множество наших солдат до сих пор валялись там, где упали, или умирали на руках товарищей, пытавшихся доставить их в развернутый на берегу госпиталь. Русские раненые кучами лежали вокруг наших бивуаков, они рыдали и стонали всю ночь – до сих пор в ушах стоит их душераздирающий вопль: *«Пажалста! Пажалста!»* По всему лагерю валялись ядра, обломки снаряжения были разбросаны среди луж засохшей крови. Черт побери, как хотел бы я взять кого-нибудь из этих министров, уличных ораторов или кровожадных отцов семейства, пожирающих свой завтрак, и приволочь его в такое место, как холмы на Альме! Не для того, чтобы показать – он просто пожмет плечами, примет сокрушенный вид, вознесет добрую молитву и выкинет все из головы, – а чтобы всадить в живот пулю с мягким наконечником и бросить, завывающего, подышать на месте. Вот чего они заслуживают.

Не то чтобы меня заботили той ночью раненые или убитые. Мне хватало своих забот. Хотя и сетуя на несправедливость упреков Раглана, я пришел к выводу, что мне-таки конец. Гибель этого злосчастного немецкого балбеса разрасталась в моем воображении сверх всяких границ. Мне чудилось, как королева называет меня убийцей, принц Альберт обвиняет в государственной измене, а «Таймс» трубит о моей отставке. Только тогда я понял, что в армии есть еще о чем думать, помимо собственных удовольствий.

Я чувствовал себя одиноким, как полицейский с Херн-бей⁴³, когда забрел в палатку Билли Рассела, обнаружив одного с пером в руке, что-то яростно строчащим при свете лампы. Рядом на ящике с боеприпасами сидел Лью Нолан, разглагольствуя в своем обычном стиле.

– Две кавалерийские бригады! – говорил он. – Две бригады: достаточно, чтобы преследовать и перебить их всех! И что они делают? Сидят себе на заднице, потому как Лукан боится отдать приказ о погоне без письменного распоряжения Раглана. Лорд Лукан? Чушь! Лорд, черт его побери, Выглядывающий Лук-он⁴⁴, так правильнее будет.

– Хм-м, – протягивает Билли, ставя точку. – А, Флэш! Скажи: правда, что гайлендеры первыми ворвались в редут? Я говорю, что да, а Лью утверждает, что нет.⁴⁵ Стивенс не уверен, а Кэмпбелла я никак не могу найти. Что скажешь?

Я сказал, что не знаю, а Нолан возмутился: какая-де разница, ведь это всего-навсего пехотинцы. Билли, видя, что ничего путного от Лью не дождешься, откладывает перо, зеваает и говорит мне:

– Неважно выглядишь, Флэш. Все в порядке? Что-то случилось, приятель?

⁴³ Полицейский с Херн-бей – вымышленный образ, бывший в те дни любимым персонажем юмористического фольклора. (*Комментарии редактора рукописи*).

⁴⁴ Здесь обыгрывается созвучие фамилии Лукан с английским выражением «look-on», обозначающим «выглядывать», «высматривать», то есть выжидать.

⁴⁵ Любопытно отметить, что в своем первоначальном материале для «Таймс» Уильям Говард Рассел совершил ошибку, сообщив об участии гайлендеров в атаке на редут, но исправил ее в более поздних сообщениях. Его рассказы о Крымской войне являются великолепным образчиком работы газетчика, и даже те, кто осуждают его за критиканство в адрес Раглана и остальных английских военачальников (см. «Крымская война» полковника Адье), признают достоинства этих репортажей. Всякий, кто желает удостовериться в правдивости повествования Флэшмена, не найдет ничего лучшего, как обратиться к Расселу или Кинглейку, также бывшему очевидцем событий. Кстати говоря, отчет Флэшмена о битве на Альме удивительно точен, особенно в части перемещений лорда Раглана, зато память явно подводит его при изложении более раннего эпизода, когда он говорит об обстреле русской артиллерией войск союзников в момент начала их похода по крымскому побережью – это событие имело место быть несколькими часами позже. (*Комментарии редактора рукописи*).

Я поведал ему про гибель Вилли, и он сказал, что ему жаль, хороший был парень. Потом я передал разговор с Рагланом, и тут Нолан, позабыв на миг про лошадей, взорвался:

– Господи, ну разве это не из ряда вон? Командующий положил добрую половину пяти бригад, а сам обрушивается на несчастного ординарца только из-за того, что маленький придурок, которому здесь вообще было не место, подставился под русские пули! Раз он так дорог ему, чего ради было тащить его за собой в самое пекло? А если тебя поставили охранять юнца, зачем тогда Раглан весь день гонял твою задницу по всему полю? Этот человек – идиот! Да, и плохой генерал, что еще хуже. Благодаря ему и этим лентяям-лягушатникам русская армия цела-целехонька, а ведь мы могли покончить с ней сегодня же! Говорю тебе Билли, этот парень должен уйти.

– Ладно тебе, Лью, он же выиграл битву, – отвечает Рассел, приглаживая бороду. – Скверно, что он напустился на тебя, Флэш, но мне сдается, не стоит так переживать. Полагаю, Раглан просто озвучил то, что опасается услышать в свой адрес. Впрочем, старик отходчив и зла не держит. Не пройдет и пары дней, как он обо всем забудет.

– Ты так думаешь? – восклицаю я, возвращаясь к жизни.

– Очень на это рассчитываю! – вмешивается Нолан. – Да неужто ему больше думать не о чем? Сейчас они с Луканом на пару упустили великолепный шанс, но когда Билли надоест потчевать английскую публику байками о том, как бесподобная Гвардия и brave каледонцы обратили московитские орды в бегство остриями своих штыков...

– Интересно, – говорит Билли, подмигнув мне. – Мне нравится, Лью, продолжай – это вдохновляет.

– Ах, этот старый дурак воображает себя новым Веллингтоном, – заявляет Лью. – Ага, можешь смеяться, Рассел, но почему бы тебе не передать своим читателям мои слова про Лукана? Вот увидишь – их это заведет!

Этот разговор несколько взбудрил меня: важно то, что думает и пишет Рассел, а ему и в голову не придет упоминать в репортажах для «Таймс» имя Вилли. Позже мне пришлось услышать, как Раглан коснулся того случая, во время совещания генералов, и Кардиган – грязная свинья – как бы невзначай обронил, что удивлен назначением в качестве телохранителя принца простого ординарца. Но Лукан возразил ему, заявив, что только дурак может обвинить Флэшмена в смерти другого штабного офицера, а де Ласи Эванс заявил, что Раглан должен радоваться, потеряв Вилли, а не меня. Даже среди генералов встречаются толковые парни.

Прав оказался и Нолан: Раглану и остальным после Альмы хватало забот и без меня. Умные люди стояли за стремительный бросок на Севастополь, находившийся в каких-то двадцати милях, и, располагая отличной кавалерией, мы без труда могли овладеть им. Но лягушатники расквакались, как сильно они устали и измотаны, и время было упущено, а русаки тем временем успели запереть дверь на засов.

Что еще хуже, бойня на Альме и холера страшно ослабили нашу армию, транспорта не было, и к моменту, когда мы дохромали до Севастополя, нам не хватило бы сил ограбить даже курятник. Но осада должна была состояться, и вот Раглан, выглядевший с каждым днем все хуже и хуже, заставлял себя излучать веселье и энтузиазм, вопреки тому, что армия таяла, зима приближалась, а лягушатники все громче подавали голос. Ах, он был человеком храбрым, решительным и готовым преодолевать любые трудности – худшего сорта полководца и придумать нельзя. Я предпочитаю видеть во главе умного труса (вот почему, разумеется, из меня самого получился такой чертовски отличный генерал).

Итак, осада началась; французы и мы расположились на грязном, заливаемом дождями и изрытом буераками плато перед Севастополем – худшее место на всем свете, где не было настоящего жилья за исключением нескольких жалких хижин и палаток, и все припасы везли за добрых восемь миль из Балаклавы, что на побережье. Вскоре весь лагерь и дорога к нему

превратились в сплошное зловонное болото, все до единого воняли дерьмом и выглядели соответственно, рационы урезались, работа по подготовке осады была страшно утомительной (по крайней мере, для солдат), и вся бравада, накопившаяся после Альмы, быстро слетела с армии, смытая дождем и вымороженная ночными холодами. Вскоре половина из нас страдала вшами, другая же мучилась от лихорадки, дизентерии или холеры – иногда от всех трех разом. Как сказал один остряк: зачем ехать на отдых в Брайтон, если есть солнечный Севастополь?

Сам лично я не принимал участия в осадных работах – не потому, что оказался в опале у Раглана, а в силу веской причины: как многие другие в нашей армии, я несколько недель пролежал трупом. Первоначально подозревали холеру, но выяснилось, что это была обычная дизентерия и расстройство кишечника, вызванное моим свинским обжорством. Во время марша на юг после Альмы мне довелось передавать распоряжения Эйри нашим авангардным частям. По пути мне встретился отряд нашей кавалерии, который наткнулся на русский обоз и теперь хлопотливо его расхищал.⁴⁶ Как настоящий офицер я считал своим долгом принять участие и затарился до отказа шампанским, прихватив еще пару меховых накидок. Накидки оказались первый сорт, а вот в шампанском, видно, содержалась сибирская язва или нечто подобное, потому как уже на следующий день меня раздуло как переувешую овцу, а понос и рвота были нестерпимыми. Меня отправили в полуразвалившийся домик в Балаклаве, недалеко от квартиры Билли Рассела, и я лежал там, весь в мыле, кляня всех почем зря и мечтая умереть поскорее. Часть этого времени я не помню, видимо, провалившись в беспамятство, но ходили за мной хорошо, и поскольку все снаряжение и припасы – впрочем, есть мне тогда особенно не хотелось – покойного Вилли оставались в моем распоряжении, я устроился довольно терпимо. В любом случае лучше многих других больных, которых везли в Балаклаву на дрожках вперемешку с холерными и тифозными, и зачастую просто оставляли на улице.

Когда я пошел на поправку, ко мне стал навешиваться Лью Нолан, сообщавший свежие сплетни: о том, что здесь объявилась моя приятельница Фан Дюберли, жившая на корабле в бухте, про приход яхты Кардигана и про то, как его светлость, жалуясь на боли в груди, дезертировал из своей Легкой бригады, чтобы наслаждаться удобствами на борту: спать на мягком и ублажать чрево яствами. Еще ходят слухи, говорил Лью, что огромная русская армия подходит с востока, и если Раглан не почешется, мы сами окажемся закупорены на Севастопольском полуострове. Но по большей части Нолан катил бочку на Лукана и Кардигана: по его мнению, эти два придурка совершенно неправильно использовали нашу кавалерию, лишив ее заслуженных, по мнению Лью, лавров. Он просто помешался на этом, но не стану утверждать, что Нолан был неправ – нам обоим вскоре предстояло во всем убедиться.

Поскольку, хоть я и не подозревал об этом, ублажая себя консервированным цыпленком и рейнским – имевшимися в припасах Вилли в изрядном количестве – приближался день, тот страшный громогласный день, когда мир обратился в хаос порохового дыма, ядер и стали, день, который те, кому было суждено его пережить, никогда не забудут. Уж я-то точно. Мне казалось, что не может произойти ничего, по сравнению с чем Альма или отступление из Кабула покажутся загородной прогулкой, но этот день показал – может. И мне пришлось прожить его целиком, от рассвета до заката, как никому другому. И моя злая судьбина распорядилась так, что именно в этот день я вернулся в строй. Будь проклято то русское шампанское: чего мне удалось бы избежать, продержи оно меня в койке еще сутки! Ей-богу, за это стоило отдать Индию!

⁴⁶ Подробнее об этом инциденте см.: Рассел «Война от высадки в Галлиполи до смерти лорда Раглана» (1855). (*Комментарии редактора рукописи*).

Я начал поправляться за пару дней до того – ездил помаленьку по Балаклавской равнине и раздумывал, достаточно ли у меня сил, чтобы приударить за Фан Дюберли и довести таким образом до конца попытку соблазнения, так грубо прерванную шесть лет назад в Уилтшире. Если верить Лью, она весьма созрела, а я не седлал никого, кроме кобылы, с момента отъезда из Англии: даже турки не находят прелести в крымских татарках, а мне к тому же изрядно не здоровилось. Но долго набираться сил мне не позволили. Старый Колин Кэмпбелл⁴⁷, командующий войсками в Балаклаве, сухо намекнул, что мне пора возвращаться к Раглану, в главную ставку на плато. Вот так вечером 24 октября я, поручив вестовому собрать вещи и оставив припасы Вилли на попечение Рассела, не спеша направил стопы к главным квартирам.

То ли я не вполне еще оправился, то ли заунывные песнопения русских в Севастополе не давали мне спать, но ночью я чувствовал себя просто отвратительно. Мои кишки бунтовали, во мне все бурлило и булькало, вдобавок я был настолько глуп, чтобы прописать себе порцию бренди, руководствуясь принципом, что раз уж нутро бунтует, то от выпивки хуже все равно не станет. Однако стало; и когда мой вестовой стал вдруг будить меня на рассвете, я чувствовал себя так, будто вот-вот рожу. Я посоветовал вестовому убираться к дьяволу, но тот настаивал, что Раглан хочет видеть меня, одна нога тут, другая... Так что мне пришлось напяливать свою одежду и, трясясь и стуча зубами, тащиться выяснять в чем там дело.

В штабе Раглана царила суматоха: от Лукана пришли вести, что наши кавалерийские дозоры сообщают о перемещениях вражеских сил на востоке. Ординарцы рассылались во всех направлениях, а Раглан, не отрываясь вместе с Эйри от карты, диктовал через плечо распоряжение за распоряжением.

– Дорогой мой Флэшмен, – заявляет командующий, заметив меня. – Хм, выглядите вы явно нездоровым. Полагаю, лучше было бы вам оставаться в постели. – В то утро он прямо-таки излучал сочувствие и, разумеется, упивался этим. – Эйри, вы не находите, что он выглядит больным?

Эйри кивнул, но буркнул, что сейчас нужны все ординарцы, каких можно собрать. Раглан поцокал и заверил меня в искреннем своем сожалении, но Кэмпбеллу в Балаклаву необходимо доставить депешу, и с моей стороны будет весьма любезно, если я изъявлю согласие сделать это. Именно так он почти всегда и выражался – расположение так и перло из него. Мне казалось сомнительным, что такая поездка придется по нраву, скажем так, моему кишечнику, но обнаружив Раглана в столь милом расположении духа и явно предавшего забвению инцидент с Вилли, я ответил ему вымученной бравой улыбкой и сунул пакет в карман. Вот ведь идиот!

Взгромоздясь в седло и трясясь по бездорожью по пути от штаб-квартиры до Балаклавы, я чувствовал себя отвратительно. Ей-богу, из-за приступов тошноты мне приходилось несколько раз останавливаться, но ничего из меня не шло, и оставалось продолжать путь по заваленной обломками носилок и ящиков дороге, пока наконец спустя некоторое время после восхода я не выехал на открытое пространство.

После прошедшего накануне ночью дождичка утро обещало быть ясным, из числа тех, в которые так и хочется лететь во весь опор на коне, ощущая на лице свежий ветер. Если у тебя, конечно, не сосет и не булькает в животе. Серо-зеленой простыней передо мной простиралась равнина Балаклавы; остановившись для еще одной безуспешной попытки поблестать, я увидел картину, напоминающую конный парад. В левой части равнины, где она начинала подниматься к Кадык-Койским высотам, сосредотачивалась и перестраивалась, эскадрон за эскадроном, наша кавалерия – больше тысячи всадников, казавшихся на расстоянии украшенными мишурой куколками. Ближе ко мне, примерно в миле, я четко разли-

⁴⁷ Колин Кэмпбелл (1792–1863), генерал-майор, командир бригады гайлендеров, затем гайлендерской дивизии.

чил Легкую бригаду: вишневые лосины гусар, алые мундиры Легкого драгунского, синие доломаны и блестящие острия пик Семнадцатого уланского. Ветер разносил сигналы горнов, слова команд доносились до меня ясно, как звон церковного колокола. За Легкой, ближе к Кадык-Кою, но медленно приближаясь ко мне, виднелись эскадроны Тяжелой бригады: алые всадники на серых конях с сотнями сверкающих сполохами сабель. Все это напоминало ковер в детской с расставленными на нем игрушечными солдатиками и выглядело великолепно, как парады и смотры на живописных полотнах.

Устремив свой взгляд вдаль, туда, где в предрассветной дымке расплывались очертания Кадык-Койских высот, вы бы поняли, почему наша кавалерия отступала. Дальние склоны были черны от копошащихся, словно муравьи, крошечных фигурок – это русская инфантерия надвигалась на редуты, устроенные нами в трех милях от высот. Рокот орудий несмолкаемым эхом плыл по равнине; редуты скрылись под разрывами русских орудий, а сверкающие штыки их пехоты наблюдались вплоть до дальнего отрога Кадык-Коя. Пехота устремилась на наши батареи, сменяя турецких артиллеристов, их же пушки били вслед нашей отходящей коннице, заставляя ее отступать под прикрытием падающей от высот тени.

Окинув эту картину взглядом, я оглядел правую от меня сторону равнины, заканчивающуюся гребнем, закрывающим балаклавскую дорогу. Вдоль гребня вытянулась линия фигур в красном с темно-зелеными кляксами килтов на уровне ног – гайлендеры Кэмпбелла. Слава богу, они находились на безопасной дистанции от русских орудий, отлично пристрелявшейся по Тяжелой бригаде под высотами. Я видел, как ядра падают совсем рядом с лошадьми, и слышал отрывистые очереди команд: подразделение «скинов»⁴⁸ рассыпалось, когда посреди него вздыбился огромный фонтан земли; они тут же перестроились и продолжили отступление под прикрытием Кадык-Коя.

Итак, между мной и гайлендерами простиралась миля пустой, незагроможденной равнины, и я галопом направился к ним, краем глаза следя за артиллерийской перестрелкой по левую от меня сторону. Но, не проделав и половины пути до гребня, я натолкнулся на пикет горцев, расположившийся у костра в маленькой ложине и поглощающий свой завтрак. И глазам моим предстала не кто иная, как малютка Фанни Дюберли – она восседала у котла в окружении полудюжины ухмыляющихся шотландцев. При виде меня она вскрикнула, замала руками и отставила котел в сторону. Я спрыгнул с лошади, корчась от боли в животе, и собирался обнять ее, но она схватила меня за руки. Потом началось: Гарри! – Фанни! – Откуда ты взялся?! – ну, и прочая чушь. Фанни смеялась, я же пожирал ее глазами. Она стала еще краше, на мой взгляд: русые волосы, голубые глаза и платье для верховой езды ей очень шло. Мне хотелось ее потискать, но под взглядами этих перемигивающихся гайлендеров я не решился.

По ее словам, они приехали вместе с мужем, Генри, служащим при лорде Рагланде, хотя мне он не встречался.

– Сегодня будет большая битва, Гарри? – спрашивает она. – Я так рада, что Генри будет в безопасности, если начнется бой. Глянь-ка, – она указала в направлении высот, – как идут русские. Разве это не волнующее зрелище? Почему наша кавалерия не атакует их, Гарри? Ты собираешься присоединиться к конникам? Ах, надеюсь, ты будешь осторожен! Ты завтракал? Дорогой мой, вид у тебя неважный. Иди сюда, садись и перекуси с нами!

Если от чего мне могло стать хуже, так от такого предложения, но я просто сказал, что не могу терять времени и должен немедленно найти Кэмпбелла. Я пообещал разыскать ее, как только закончится сегодняшнее дело, и посоветовал отправляться сей же час в Балаклаву. Ей-богу, чудно было видеть, как она тут прохлаждается, словно на пикнике, когда русские

⁴⁸ Так сокращенно именовали иннискиллингов, солдат Шестого ирландского драгунского полка.

войска не далее как в миле от нас обтекают редуты и, без сомнения, намереваются идти дальше, едва закончат перестроение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.